

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ.
ПУТЬ К ЦЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Монах

Евгений Щепетнов
Монах. Путь к цели

«Щепетнов Евгений»

2013

Щепетнов Е. В.

Монах. Путь к цели / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,
2013 — (Монах)

ISBN 978-5-9922-1489-5

Учить драконицу летать – что может быть сложнее? Особенно если ты бескрылый человек, умеющий только лишать жизни врагов. А их столько! Ткни пальцем – и угодишь во врага, умного, хитрого, умелого. Не просто избавить мир от Зла. Но надо стремиться к этому, тем более, если тебя, как ты думаешь, для того и забросили в параллельный мир. И снова идет по миру Андрей, бывший спецназовец, бывший наемный убийца, бывший монах, а теперь – учитель драконов и борец со Злом. Что ждет его в конце пути?

ISBN 978-5-9922-1489-5

© Щепетнов Е. В., 2013
© Щепетнов Евгений, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Евгений Щепетнов

Монах. Путь к цели

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Пытаюсь отгадать загадку, что вокруг меня,
Но чем я ближе к ней, тем больше сам боюсь себя.
Silence Dead*

Глава 1

– Вход пять медяков! И за животное медяк! – Солдат в воротах злобно прищурился на Андрея, как будто тот намеревался украсть его любимые портянки.

Андрей не раз замечал, что некоторые люди, получая даже минимальную власть – например, власть «не пущать!», – становятся совершеннейшими монстрами, тиранами, злобными жабами, вымещающими свою несчастную жизнь на тех, кто, по их мнению, стоит ступенью ниже на социальной лестнице.

Спорить он не стал, молча отдал шесть медяков, не глядя в глаза этому хилому чахоточному адепту правопорядка, и, подпернув на спине вещмешки, зашагал через ворота на столичную Привратную площадь.

В голову почему-то пришло воспоминание о милиционерах, которых он встретил некогда на московской улице. Они решили проверить у него документы и долго мурыжили, придираясь к штампу прописки, по их мнению недостаточно хорошо пропечатанному. (Чертовы заказчики, готовившие документы! Заказ на человека стоил сто тысяч долларов, а эти уроды не могли потратить немного денег, чтобы сделать приличные доки!) Тогда он отдал им тысячу рублей, чем эти менты удовлетворились, не зная, как близки были к смерти. Андрей мог переломить их худые шейки за доли секунды, так что они не успели бы этого и осознать. Он был профессиональным наемным убийцей, бывшим спецназовцем, работающим по контракту на тех, кто заплатит. Впрочем, он не без оснований подозревал, что заказчик у него один – полугосударственные и государственные структуры, устраняющие неугодных им людей.

В конце концов шлейф его грехов стал настолько ощутимо пахнуть серой, что руководство решило убрать киллера, знающего слишком много. Закономерный конец любого наемного убийцы. Вот только Андрей не был любим. Он был убийцей высшего класса, можно сказать – из элиты профессиональных убийц. Он почуял момент X и исчез. Вначале в сибирский монастырь, а оттуда – непонятным образом в этот мир. Как он тут оказался, он не знал. Просто лег спать в своей монастырской келье и проснулся в этом мире. Он не раз размышлял о произошедшем, но неизменно приходил к заключению, что лучше проснуться в таком дерьмовом мире, чем не проснуться вообще.

И вот теперь, пройдя череду испытаний, приключений и преобразований – в том числе и телесных, – он оказался в главном городе Славии, ее столице – Гаранаке, с грузом драгоценных драконьих чешуек в рюкзаке и драконом на плече – вернее, драконицей, маленькой, ехидной, злобной фурией, именуемой Шантаргон, в просторечии – Шанти.

Конечно, сидела она на плече не в виде маленького дракона – это крылатое племя умело принимать обличье любого животного, которое жило в этом мире или которое мог представить их причудливый разум. Только вот людей представлять не могли – все-таки ходить на двух ногах сложнее, чем на четырех. Навык нужен. Опять же – люди заметны, а кошки или мыши – кто на них обращает внимание? Люди и драконы уже много тысяч лет жили рядом, но знали об этом только драконы...

Шанти отправилась с Андреем неспроста: когда он в результате борьбы с лесным оборотнем нахлебался его крови, то сам стал оборотнем, обретая новые способности – например, теперь он видел ауры людей и зверей и мог лечить.

Совершенно подсознательно бывший монах видел по ауре болезнь и устранял недуг. Вот только искалеченной Шанти он пока не мог помочь – нужна была хирургическая операция и специальные инструменты, дорогие и редкие. Для того он и пришел в столицу, чтобы найти эти инструменты и сделать операцию. Впрочем, не только для того. В столице жили его друзья – Федор Гнатев, бывший вояка, мастер фехтования, и его любимая женщина со своей маленькой дочкой, которых Андрей и Федор встретили в путешествии и взяли с собой. Женщину

звали Аленой, а ее дочь – Настенкой. Когда наемники по приказу сумасбродного графа, кузена которого Андрей убил на дуэли, захватили монаха, он велел Федору и Алене ехать в столицу, устраиваться там и ждать его – если выживет, он обязательно их найдет.

У Федора хранились все деньги, все ценности, которые Андрей забрал с убитых им исчадий, служителей демона Сагана, единственного божества Славии. Где в столице искать Федора, Андрей не знал. В общем-то Гаранак не был его целью – путь Андрея и его спутников лежал в Балрон, соседнее со Славией государство, где исчадия считались врагами и куда не допускались ни под каким видом. Некогда Андрей обещал одному хорошему человеку, убитому на Круге на потеху толпе, что он позаботится о его дочери, живущей в Анкарре, столице Балрона. Девушке было то ли семнадцать, то ли восемнадцать лет, и звали ее – Антана.

В любом случае Андрей не собирался задерживаться в Славии – у него буквально земля горела под ногами, после того как он навел террор среди исчадий, занявшись тем, что умел лучше всего – убивать. Его захватили, заставили выступать на Круге, где изощренно лишали жизни тех, кто хранил приверженность Светлому Богу, а также преступников всех мастей, которые не сумели откупиться.

Андрей выжил на Круге, снова попал в застенки исчадий, освободился, убил всех тех врагов, кто оказался рядом, и сбежал вместе со своим другом Федором.

К столице он прилетел на драконице – матери Шанти, громадной драконице Гаре, которая, оставив дочь на попечение Андрея, улетела по своим делам. Фактически Андрей снял с нее громадный груз ответственности – уже сто лет драконица кормила свою покалеченную людьми дочь, отсиживающуюся в темной пещере.

Теперь Андрей был Шанти за мать – правда, та этого не признавала и считала Андрея и весь род людской недалекими, глуповатыми существами, особенно по сравнению с драконами, мудрой, великой и долгоживущей расой. Впрочем, Андрей до сих пор не знал: а сколько же он сам может прожить? Его раны заживали за считанные минуты или часы, его скорость в сравнении со скоростью людей была выше в несколько раз, если не в несколько десятков раз. Он был многократно сильнее обычного человека.

Сколько живут оборотни? Андрей этого не знал, тем более что на Земле эти самые оборотни считались персонажами вымышленными, сказочными, и он не интересовался вопросами их метаболизма и сроками жизни. Итак, теперь оставалось найти Федора в большом городе и отправиться дальше, к границам Славии.

– Чего это за тебя взяли пять медяков, а за меня медяк? – недовольно буркнула, потягиваясь на плече Андрея, Шанти, принявшая обличье черной кошки. – Я считаю, что это несправедливо! Я стою дороже тебя! Люди вообще не умеют правильно оценивать объекты и ситуации. Посмотри, как я прекрасна, а от тебя пахнет потом. Ты когда последний раз мылся?

– А сама-то? – фыркнул Андрей. – Ты-то когда мылась? Постеснялась бы уж! Сто лет просидела в грязной дыре, а еще рожи корчишь! Вообще непонятно, как ты не стала идиоткой, сидя в темной пещере и не получая никакой информации. Любой человек бы свихнулся от такой жизни – жрать да гадить, жрать да гадить, и так сто лет. Кстати, может, потому ты и такая придурковатая? Все время несешь всякую чушь. Может, ты свихнулась?

Шанти зашипела и выпустила когти, проткнувшие одежду и впившиеся в плечо Андрею. Тот поморщился и негромко сказал:

– Если ты еще раз сделаешь что-то подобное, то я тебя кину куда подальше! Поняла?

Кошка зашипела и еще глубже впилась в плечо человека, не признавая его главенство, и тогда он схватил Шанти поперек туловища, оторвал от себя и так метнул ее через всю улицу, что она, пролетев метров пятнадцать, завершив красивую дугу, плюхнулась в мусорный бачок возле какого-то трактира. Вдобавок ко всему вышедшая из трактира служанка выплеснула в бак ведро помоев, и страдальца в кошачьем обличье вмиг оказалась покрыта слоем жирной воды, в которой мыли тарелки, и кусочками объедков.

Андрей усмехнулся и прибавил шаг, постаравшись убежать подальше от места предполагаемого выплеска гнева разъяренного дракончика. И тот не заставил себя ждать: дикий кошачий вопль, наверное, слышали у городских ворот, а выскочившая из бачка фурия с горящими глазами, торчащими усами и оскаленными белыми зубами напоминала настоящего демона, отчего служанка чуть не упала в обморок и долго материлась на это кошачье отродье, размножившееся так, что людям житья нет никакого. Потом этот демон кошачьего рода припустил по улице за одиноким, быстро шагавшим путником, задрал хвост и шипя так, будто это была не милая кошечка, а клубок ядовитых змей. Впрочем, ядовитые змеи в этот момент не сравнились бы по злобе и ярости с «милой кошечкой» – столько ругани Андрей не слышал очень давно и потому рассердился еще пуще, заявив, что, если ее поганая пасть не закроется, она никогда больше не будет восседать на его плече как важная персона, а будет или тащиться за ним следом, сбивая свои нежные лапы, или же поедет в мешке, как крыса. И если она и в дальнейшем хочет, чтобы он имел с ней дело, то пусть учится вести себя пристойно, не царапать его, не кусать, не обзывать... и вообще, перечень того, что ей делать нельзя, он озвучит позже. Потому что перечисление всего займет слишком много времени, а им надо устроиться в гостиницу, а прежде – пообедать. Кроме того, он не пустит на свое чистое плечо какую-то помойную кошку, от которой воняет, как из мусорного бачка.

Шанти еще немного поругалась – больше для виду, чтобы показать свою независимость, а потом побрела за своим спутником, уныло повесив голову.

В действительности-то ее шерсть не пострадала по одной простой причине – шерсти этой на самом деле не было. Ее облик кошки был лишь иллюзией, под которой находилось тело маленького дракона, но вот этому маленькому дракону досталась порция помоев, и теперь он и вправду сильно отдавал отбросами. И идти ей было трудно – за сотню лет сидения в норе не больно-то научишься ходить как следует. Тем более что для дракона хождение само по себе унижительно: стихия дракона – небо! Так что хоть человек и отвратителен, но Шанти принимает его условия – это она так заявила после тирады Андрея. На что он ей повторил, что озвучит список ее прегрешений и условий будущего сотрудничества позже, в удобное для него время. А пока пусть эта крысодраконница не болтает как заведенная, а шагает за ним след в след, и поближе, иначе на нее наступит какая-нибудь лошадь.

Шанти немедленно приблизилась настолько, что Андрей стал опасаться, что она оттопчет ему пятки или он врежет пяткой ей по морде. Брать ее на плечо он и вправду не хотел – от драконницы шел просто невероятный по своей гадостности запах. Пахло дерьмом и дохлой кошкой одновременно. Ему подумалось, что в трактир, из которого выносят такие пахучие нечистоты, ходить не стоит – чем они кормят постояльцев, если объедки так воняют?

Заметив вывеску с нарисованной на ней постелью и сладко спящим мужчиной, Андрей свернул к этому дому, небезосновательно полагая, что здесь находится гостиница не слишком высокого пошиба.

Так-то денег у него хватало – золотишко оттягивало пояс, и довольно внушительно, но устраиваться в дорогих гостиницах, не зная, сколько времени уйдет на поиски друга, было бы расточительно и потому неправильно. А еще неправильнее было бы засветиться.

Он знал еще по Земле, что все крупные элитные гостиницы обязательно стучат о подозрительных постояльцах в компетентные органы, и не сомневался, что здесь происходит то же самое. Человеку, находящемуся в бегах, излишняя известность как нож острый. Поэтому он сразу отправился из центра города в район попроще, где надеялся найти гостиницу без изысков.

Толкнув дверь, он оказался в помещении, вызвавшем ностальгические воспоминания: в подобном трактире он работал долгие месяцы своей жизни в этом мире – вначале разнорабочим, а потом вышибалой, вместо убитого гвардейцами исчадий парня. Похоже, все заведения подобного типа строились по одному проекту – лестница вверх напротив входной двери,

стойка, за которой трактирщик, такой же как и во всех мирах, меланхолично протирает кружки и стаканы, зал, уставленный столами, способными сопротивляться не только напору пьяных возчиков, схватившихся в ритуальной вечерней драке, но и приземлению летающей тарелки – дубовые столы были монументальными. Андрей не удивился бы, если бы те были наглухо привинчены к полу, чтобы не служить таранами пьяным гостям. Массивные стулья имели следы перелетов из одного конца комнаты в другой, но стойчески держали форму благодаря умелому столяру, изготовившему их много-много лет назад. Возраст мебели подчеркивали многочисленные следы попоек в виде несмываемых винных пятен, царапин от ножей и вмятин от своих собратьев, летящих снарядами по воздуху.

«Веселое заведение!» – подумал Андрей и шагнул к стойке с вялым трактирщиком. В воздухе пахло мясом и приправами, так что его живот отреагировал на запахи бурным урчанием, а рот – обильным слюноотделением.

– Что хотел? – скучно спросил трактирщик, не переставая манипулировать с кружками. Со стороны это напоминало то, как если бы буддист меланхолично вращал молитвенный барабан вокруг оси и бубнил про себя: «Ом мани падме хум! Ом мани падме хум!»

– А чего обычно хотят в трактирах и гостиницах? – усмехнулся Андрей. – Поесть, снять комнату, отдохнуть. Или у вас ничего этого получить нельзя? Тогда я пойду в соседнюю!

– Конечно, конечно, можно! – послышался женский голос, и из кухни вышла высокая привлекательная женщина лет тридцати – тридцати пяти. – Урквар, болван, не видишь, человек хочет поесть и снять комнату?! Ты чего их натираешь? Займись делом наконец! Видишь, с каким людьми мне приходится работать? Двоюродный брат – и выгнать жалко, а работает как во сне! Спит на ходу! Ой, какая кошечка! – Женщина широко улыбнулась и потянулась к отпрянувшей Шанти. – Ну-ну, Олра тебя не укусит!

«Кто кого еще укусит!» – буркнула Шанти.

– Помыться только тебе надо – такая милая кошечка и так воняешь! Ну так что ты хотел снять, уважаемый? Комнатку подешевле? Или что-то более приличное?

– Хм... что-то среднее. Мойня тут у вас есть? Хорошо, мне бы не помешало сполоснуться, как и моей спутнице. Давайте нам комнату, мы бросим вещи, сходим в мойню, а вы пока что приготовьте нам обед. Побольше мяса, и лучше с кровью. Молока, сладкого чего-нибудь – пирогов, например, и-и-и... пива. Светлого, холодного. Кстати, у вас как тут, спокойно? Не сильно буйный народ?

– Когда как, – словно извиняясь, улыбнулась хозяйка гостиницы, – сами знаете, как подопьют – все бывает. Но обычно быстро утихомириваем, Никат хорошо справляется. – Она кивнула головой на сидящего в углу массивного мужчину со сломанным носом и прижатыми к голому черепу сплюснутыми ушами, по виду бывшего борца или кулачного бойца. – Сейчас Урквар отведет тебя в комнату, выдаст ключ от двери, и можешь воспользоваться мойней – она у нас бесплатная. Извини, не в обиду, деньги за комнату и обед мы берем вперед – времена смутные, пойми правильно. – Женщина смущенно улыбнулась. – Комнату на сколько времени будешь снимать?

– Пока на сутки, потом продлю.

– Хорошо. Пять серебреников за ночь. И за обед три серебреника. Извини, все-таки столы – все дорого. Ты же откуда-то с севера? Там у вас подешевле. Нам везут дичину уже с двойной накруткой...

Андрей расплатился, достав заранее приготовленные деньги из кармана куртки – не лезть же в пояс на глазах у всех, – и пошел следом за трактирщиком вверх по лестнице.

Комната ничего интересного собой не представляла. Двухспальная кровать, столик, тумбочка – будто попал в провинциальную гостиницу. Не хватало только торшера и старого неработающего телефона. Туалета и душа, конечно, тоже не было.

Оставив рюкзаки, Андрей достал из одного смену белья, мыло, полотенце и отправился вниз в поисках купальни. Шанти со страдальческой миной побежала за ним, всем своим видом изображая непереносимые муки, которым подверг ее жестокосердный человечиска. Она нарочито хромала, а когда Олра жалостливо заметила что-то о больной кошечке, так сильно страдающей, стала хромать ее больше, напоминая моряка дальнего плавания, только что ступившего на твердую землю, шатающегося и пытающегося найти равновесие.

Андрей иронически отнесся к ее попыткам вызвать жалость окружающих и пристыдить бесстыжего человека и, входя в мойню, заметил, что лучше бы смотрелось, если бы она пустила пену и поползла на одних передних лапах – это вообще произвело бы фурор. Шанти зашипела и, обнаружив, что их уже никто не видит, пошла как следует, подпрыгивая волейбольным мячом от переполняющих ее недобрых чувств.

В мойне стояли большие деревянные корыта и маленькие тазики. Андрей тщательно вымыл одно корыто, наполнил его и едва успел поймать в воздухе вонючее существо, которое с мстительной радостью намеревалось плюхнуться в воду, приготовленную для человека.

– А вот фигушки! Это корыто не для вонючек! – Андрей погрозил пальцем дракончику. – Идем-ка сюда. Вот, вот, в кадочку ныряй... Моем, моем трубочиста чисто, чисто, чисто, чисто, будет, будет трубочист чист, чист, чист, чист... Ну вот, теперь ты похожа на праведного дракона, а не на кусок старой ветоши из помойки. Теперь моя очередь помыться... если сумею отмыться после тебя. Все, не мешай!

Андрей с наслаждением погрузился в корыто, оставив на поверхности лишь лицо, и замер, наслаждаясь теплом и покоем. Он отбросил все мысли, сосредоточившись лишь на ощущениях здорового тела, требующего пищи и отдыха. Ноги слегка гудели, отходя от пешего перехода, – драконица не стала подвозить их слишком близко к городу, чтобы никто не заметил ее прибытия, так что им пришлось несколько километров тащиться пешком. Вернее, не им – ему, потому что Шанти путешествовала на его плече.

От мыслей его отвлек чей-то мокрый зад, который, плюхнувшись ему на лицо, погрузил его в горячую воду. Андрей вынырнул, очумело кашляя, и успел заметить, как за дверями мойни скрывается черный хвост террористки, громогласно хохочущей и обещающей ему дальнейшие кары за неуважительное поведение.

Андрей улыбнулся, покачал головой и принялся намыливать мочалку – некогда разлеживаться. Есть хотелось неимоверно. Он всегда подозревал, что есть верный и, наверное, единственный способ убить оборотня – ну кроме сожжения: запереть его в каменном мешке и не давать есть несколько дней. Смерть гарантирована. Его тело с ускоренным обменом веществ съест само себя.

Через двадцать минут он уже сидел за столом и поглощал горячее мясо с кровью. Раньше он такое не ел, предпочитая хорошо прожаренные бифштексы, но с обретением способностей оборотня приобрел и некоторые привычки, присущие Зверю, – например, иногда ему очень хотелось поест свежей убоины, еще исходящей паром на прохладном воздухе, и попить крови...

Шанти сидела рядом и глотала кусочки говяжьей печенки, стараясь делать это пристойно и аккуратно – после обещания Андрея, что он скинет ее со стола и дракончик пойдет есть со всеми кухонными кошками, возле помойного ведра. Посмотрев на это скопище ободранных, покрытых шрамами и блохами кошанов, Шанти согласилась, что хорошие манеры пристали добропорядочному дракону, и теперь являла собой пример воспитанности и хороших манер.

Андрей за считанные минуты, хоть и сдерживал себя, смел все, что было подано на стол, заказал еще пару пирогов с олениной и в ожидании заказа, принятого подавальщицей в чистеньком, застиранном сарафане, налил себе холодного пива. Отдуваясь, попивал его, чувствуя, как шипучая жидкость заливает жажду от съеденного мяса.

Он попросил положить в мясо поменьше специй – с некоторых пор его чувствительный нос перестал воспринимать специи и различные приправы как необходимые принадлежности любого вкусного блюда. То, что раньше он чувствовал как приятный аромат, теперь его чувствительный нос ощущал как жуткую, ураганную вонь. Приходилось и самому мыться почаще – нюхать себя, грязного, целыми днями было просто невыносимо.

Некоторые способности Зверя ранее проявлялись, только когда он перекидывался в него из человека, в последние же дни они почему-то стали проявляться явно и ярко – например, он великолепно видел в темноте, а кроме того, мог постоянно видеть ауры людей, зверей и предметов. Да, у предметов тоже были свои ауры – слабые, но были. Что эти ауры означали, Андрей пока не мог понять – если ауры живых существ указывали на состояние их здоровья, то что значила оранжевая аура вон того стула? Или же смесь аур вон той табуретки?

Поразмыслив над этим фактом, он пришел к неожиданному выводу: это остатки аур людей, которые касались этих предметов. То есть, сделал он вывод, ауры могут оставаться на предметах, как отпечатки пальцев или же запах. Кстати, и запах он тоже ощущал, и после того, как ощущал какой-то из запахов вкупе с видом остатка ауры, в его мозгу возникал образ этого человека – схематичный, неполный, но образ. Например, вон там несколько часов назад сидел толстый человек с басистым голосом и большими руками, ростом выше Андрея – настоящий великан. А с ним рядом была молодая девушка – ноздри Андрея раздулись, вдыхая ее мускусный запах... Проститутка – сделал он вывод. Дешевые вонючие духи, запах нескольких мужчин, смешивающийся с ее запахом... Монах поморщился: запах порока был настолько очевиден, что воротило с души.

Нет, он был не против этой древнейшей профессии – глупо бороться с тем, что существует тысячелетиями. Однако и умиляться этому явлению не собирался. Его не трогали рассказы о том, как несчастные девушки попадают в сети сутенеров и начинают свою ужасную деятельность, страдая и плача. Он знал многих проституток и услугами многих из них пользовался – от самых дешевых, тысячерублевых, до самых дорогих, элитных, подрабатывающих своей ухоженной вагиной в свободное от показов модных платьев и фотографирования в нижнем белье время. Так вот, многим из них нравилась их работа. Нравилась жизнь, которую они вели. А о том, что когда-то это закончится, и закончится, возможно, дурно, – об этом они не думали. Ну что же, каждый выбирает свою дорогу в жизни, или, скорее, дорога выбирает его. Они закончат дурной болезнью или ножом пьяного клиента, а киллер – стрелой... или пулей в лоб. У всякой профессии свои издержки. Вот у него – какая сейчас профессия? Монах? Киллер? Охотник за нечистью? Скорее все, вместе взятое. Вот только методы, которыми он попытался искоренить Зло, оказались совсем негодными, и вместо того, чтобы уменьшать количество Зла в мире, он лишь увеличивал его, и делал это вполне успешно.

Ему показалось, что кто-то далеко-далеко рассмеялся глумливым, издевательским хохотом, и Андрей тряхнул головой, отгоняя дурные мысли.

– Что, голова болит? – раздался голос рядом.

Андрей поднял глаза и увидел, что подле его стола стоит хозяйка гостиницы, держа в руках миску с горячими пирогами. Она улыбнулась и, поставив миску на стол, спросила:

– Можно, я присяду за твой стол? Не будешь против? Не помешаю?

Андрей равнодушно пожал плечами:

– Присаживайся. Не помешаешь.

Женщина присела на стул, а монах взял из миски кусок пирога, разломил пополам и, откусив от него, посмотрел на женщину. Он еще раньше отметил, что молодуха приятна лицом и фигурой – гладко зачесанные волосы заплетены в косу, сарафан, украшенный вышивкой, округлые бедра, обтянутые тесноватым подолом, и красивые руки с небольшими перстеньками. Обручального кольца не было – женщина незамужняя, сразу понял он. И еще он учуял возбуждение, самка хотела самца – нюх Зверя уловил это сразу, как только та оказалась возле столика.

Аура женщины была здоровой, и только в одном месте полыхал небольшой красный язычок – что-то с рукой. Андрей взглянул на левую руку – она была перевязана белой чистой тряпицей.

– Порезалась сдуру! Точильщик так наточил ножи, что как булатная сабля режут, а я сдуру и цапнула за лезвие. Вот теперь хожу как после битвы. Ты, наверное, удивлен, чего это к тебе баба прилезла, да? – проницательно глядя в глаза, спросила женщина.

Андрей услышал в голове голос Шанти: «Она тебя хочет заманить на совокупление, это понятно даже бродячим кошкам! Я чувствую, как она возбуждена».

– Я увидела интересного мужчину, решила с ним поговорить. Тут так скучно – одни пьяные рожи да вот этот сонный телок. – Олра кивнула на своего кузена. – А я люблю слушать о путешествиях, о том, что делается в других городах и землях, что вообще на свете делается. Особенно когда мне рассказывает такой симпатичный мужчина.

Она игриво подмигнула, а Андрей с усмешкой подумал: «Внаглую снимает меня! Я снимал женщин, но чтобы меня... А графиня Баданская, забыл? Да что же это за поветрие такое пошло – бабы начали вешаться мне на шею! Раньше я такого не замечал... новая способность Зверя? Вероятно. Я где-то читал, что оборотни всегда были в чести у женщин, те как будто бы клюют на звериное начало в мужчине, хотят брутального, сильного самца. Как-то определяют такового в человеке и подсознательно желают с ним размножаться, рожать от него такое же брутальное и сильное потомство. Впрочем, это лишь мои умозаключения...»

– Да что там, в других городах? – пожал плечами Андрей. – Такие же люди, такие же трактиры – один в один. Ты думаешь, если они живут за тысячу верст отсюда, то перестают лгать, воровать, любить и ненавидеть? Все то же самое. Все, как тогда, когда... – Он чуть не сказал «когда их создал Бог». До сих пор он не мог избавиться от многолетних привычек.

Здесь упоминание Бога было равносильно смертной казни. Тут же кто-нибудь бы донес, и участь боголюбца – оказаться на смертельной арене Круга или умереть на жертвенном алтаре во время кровавого жертвоприношения исчадий.

– Нет, люди те же, – улыбнулась Олра, – но мне же как-то надо было начать разговор, правда? Вам, мужчинам, легче – подошел к понравившейся женщине и давай расписывать ей прелести общения с таким красивым и умелым во всех отношениях парнем. А нам, женщинам, что делать? Тебе не кажется, что общество просто душат условности?

Андрей чуть не поперхнулся: встретить феминистку в параллельном мире, в средневековом обществе – это нечто диковинное!

– Я тебя смутила своими странными высказываниями, да? – Женщина улыбнулась и розовым язычком облизнула верхнюю губу. – Ну вот такая я, какая есть. А ты какой есть, путник? Да, что касается «есть» – это ты на высоте, да! Давно не видала, чтобы кто-то так красиво и много ел. Ты как будто неделю голодал, хотя по тебе и не видно. Одежда новая, как из лавки, кошечка сытая и ухоженная, вряд ли ты нищенствуешь. Пояс хорошо набит, и в нем позванивают монеты – я запах денег чую издалека. Но одет скромно, чтобы не бросаться в глаза. На исчадие не похож, скорее на... хм... В общем, странная ты личность, мой уважаемый гость. Что тебя привело в этот поганый город, средоточие порока и зла? Сидел бы себе в глухой чащобе, общался со зверюшками и птичками, зачем ты пришел в этот каменный лес?

– Слушай, ты стихи не пишешь? Песни? – усмехнулся Андрей. – У тебя бы получилось.

– Ты думаешь? – Лицо Олры озарилось внутренним светом. – А ведь мне иногда хотелось попробовать себя в сложении песен. Я пою, и неплохо. Но под настроение, когда выпью и станет тоскливо...

– Можно спросить?.. – начал Андрей, и женщина сразу его перебила:

– Где мой муж, где мои дети, да?

Ее лицо как-то увяло, и Андрей пожалел о своем любопытстве. Ведь именно это он и хотел спросить. Странно, что у такой красивой и уверенной в себе женщины нет мужа и детей,

это в ее-то возрасте, что для патриархального средневекового общества категорически невозможно.

– А нет у меня ни мужа, ни детей. Не могу я иметь детей. Вот и мужа нет. А гостиница досталась от отца, он умер три года назад. С тех пор я одна веду дела. Мать умерла давно – нашли в переулке с ножевой раной в спине. За двадцать серебряников убили. Это же столица... – Ее лицо стало совсем грустным. – Сбежала бы отсюда, да ведь все деньги тут. Где заработаешь больше? И сижу здесь, и буду сидеть, и помру здесь... а вон тот хряк или его дети унаследуют трактир. Мне-то больше оставить некому. Почему я тебе рассказываю? А почему и нет? Ты симпатичный мужчина, сегодня здесь, а завтра ушел – и нет тебя. И забыл про меня. И я про тебя. Я душу излила, мне стало легче. А ты посидел в компании с красивой женщиной, которая обратила на тебя внимание, разве не приятно? – Глаза женщины смеялись, и Андрей тоже улыбнулся.

«Очень умна, – решил он. – И похоже, что на ней лежит проклятие, как на многих умных женщинах: где найти такого же умного, как она, чтобы жена не подавляла своим интеллектом, чтобы он не чувствовал себя ущемленным, придавленным ее умом? То-то же... Без проблем выходят замуж дурочки или маскирующиеся под дурочек – они хихикают, жеманничают, при первом удобном случае затаскивают жениха в постель, залетают... хм... а вот тут как раз и проблема. Детей иметь не может – значит, пустая, бесполезная, по понятиям Средневековья... Вот только все равно кто-то был бы рядом с ней – гостиница, трактир, обеспеченная женщина. Опять же – красивая и, похоже, очень сексуальная. Вон как многозначительно губы облизывает...»

– Думаешь, почему со мной рядом мужика нет? – усмехнулась Олра, как будто прочитав его мысли. – Не удивляйся, вы, мужики, для меня прозрачны, как стеклышки. У тебя все на лбу написано. И не три лоб, бесполезно! Эти слова татуировкой на нем впечатаны, – рассмеялась она, когда Андрей в шутку стал тереть лоб.

Ему нравилась эта женщина, такая непохожая на остальных женщин этого мира. Скорее она походила на мужчину – своим умом, смелостью в высказываниях и неординарностью мышления.

– Ну скажи, зачем мне вот такой муж, а? – Она указала на сонного бармена. – Или вот такие? – Она незаметно кивнула на компанию из четырех краснолицых купцов, осоловело хлебляющих из глиняных стаканов красное вино и спорящих о том, кто в эту поездку больше заработал и какую девку купит. – О чем мне с ними говорить? И притом, они все нороят посвататься за гостиницу, а не за меня, понимаешь? Ну на кой черт он мне нужен, такой муж? Деньги у меня и так есть, а мужика на ночь я всегда найду. Ведь все-таки я красивая, согласись? – Она заложила руки за голову и глубоко вдохнула, отчего ее высокая грудь поднялась и едва не разорвала лиф сарафана.

Один из купцов промычал что-то, и все четверо стали жадно присматриваться к столику, за которым сидели Андрей и Олра. Самый пьяный, глупо улыбаясь, приподнялся со стула с явным намерением подойти к парочке, но натолкнулся на холодный взгляд Андрея. И было в этом взгляде что-то такое страшное, смертельное, что купец побледнел и плюхнулся на место, с испугом отвернувшись и начав делано смеяться какой-то шутке своего приятеля.

– Хм... а ты сильный человек... – удивленно протянула Олра. – Тебя можно испугаться, да... вроде и невидный, неприметный, но такой... жесткий, как вот этот кинжал, что у тебя на поясе...

«Все успела заметить, Шерлок Холмс в юбке, – уважительно подумал Андрей. – Ну и ну...»

– ...и такой же опасный, как стальной клинок. Ну так что же привело тебя в столицу? Я уже тебе все мои тайны рассказала, чуть не до описания моего месячного цикла, а ты молчишь и молчишь! Может, ты вообще не умеешь говорить, а?

– Ну ты же сказала, что тебе надо, чтобы выслушали, и только. Нет? – с усмешкой спросил Андрей. – Тогда, может, стоило усадить перед собой кухонную кошку и наговорить ей всего? Зачем это рассказывать первому встречному?

– Кошке неинтересно – пробовала! – хихикнула Олра. – Притом она долго не сидит, сбегает. А ты не сбежишь – за комнату-то уплатил! Вот и слушай теперь в довесок к услугам мою дурацкую исповедь. Кстати, а у тебя есть жена? Ведь нет же? Оставайся у меня. Будем вместе гостиницей управлять. Поставлю тебя управляющим, а там, может, и поженимся, а?

– Вон ты как жестко завернула! – от души рассмеялся Андрей. – Ты же даже не знаешь, как меня зовут. И тут же – поженимся!

– А чего, первый раз, что ли, иметь дело с мужиком, имя которого узнаешь... потом? – тоже расхохоталась Олра, вытирая выступившие слезы. – Но вообще-то ты крепкий – обычно в этом месте мужики или сбегали, или требовали сразу вести их в магистратуру для регистрации брака. И тут же оформить завещание – на него, конечно. Вдруг меня черный понос прошибет?! Забо-о-отливые...

– Андрей меня звать, – решил монах. – А в столицу пришел – друзей я тут одних ищу. Федора и Алену. Вот не знаю, где искать, каким образом. Может, ты что-то посоветуешь? Откуда начать искать?

– Они на чем приехали? Или пешком пришли? Город-то большой, найти не так просто. Надо знать, куда, в какой район они могли пойти. Чем он занимается, твой Федор? Купец, возчик, портной или кожемяка? Понимаешь? Вот чем он занимается или занимался – среди своих, скорее всего, и пойдет искать приют.

– Охранник купеческих караванов, бывший. Потом стражник. А отец его купцом был. Где здесь у вас купеческий квартал? Где они обитают? А может, они в гостинице живут?

– Это вряд ли, – уверенно мотнула головой Олра. – Скорее всего, сняли жилье или, если деньги есть, купили. Но искать надо точно в купеческом квартале. Где же еще он будет чувствовать себя в своей тарелке? Не в квартале проституток же, в самом деле? Хотя охранник... шучу, шучу! Не хмурься! Вижу, что за друга порвать готов. И-и-эх... женись на мне, а? Не женишься? Почему-то я так и думала. Ну ладно. Тебе еще чего-нибудь подать? Может, вина? Или кошечке – молока? Вон как она притомилась, бедная! Ну спи, спи, красotka... не буду тебя гладить, нет. Не беспокойся. У меня была кошка – Фортунной звали. Она всех так драла, только клочки летели! В мою комнату и заходить боялись – она по шкафам бегала и когтистой лапой, как рыбок, всех гостей выуживала. А то еще любила: спрячется за шкаф, как выскочит – и вцепляется в ногу. Тип один ко мне забрался – то ли обворовать хотел, то ли посмотреть, как живут трактирщицы... говорил, хотел просто спросить... Чего спросить? Зачем спросить?.. В общем, она его так изодрала, что пришлось лекаря вызывать. В клочья просто порвала. Сдается, и твоя красавица из той породы. Ну все, не беспокою – раз ты ничего больше заказать не хочешь и жениться на мне тоже не хочешь, сиди отдыхай. Уже вечер, скоро музыкант придет, песни петь начнет. Потом народ соберется – там уже совсем весело будет, особенно когда еще музыканты подтянутся.

Женщина улыбнулась Андрею, встала, вздохнув, и решительно зашагала к кухне. Вскоре оттуда послышался ее недовольный голос – она отчитывала кухарку за какую-то провинность, а Андрей отхлебнул слегка потеплевшего пива и подмигнул своей боевой подруге.

– Ну что, когтистая, может, мне и правда остаться тут, заделаться важным трактирщиком, растолстеть и в конце концов умереть от ожирения?

– Это тебе не грозит, – фыркнула Шанти, поднимая голову и следя за людьми, проходящими по залу. – Когда-нибудь я тебе голову откушу, как только ты меня сильно рассердишь. Ты уснешь, я подкрадусь и отгрызу.

– Тогда спать будешь на улице, – невозмутимо парировал Андрей. – Я не могу подвергать свою жизнь опасности, засыпая рядом с таким злобным и коварным существом. На коврик

пойдешь, к блохастым! Нахватаешься блох, наступит на тебя кто-нибудь, вот тогда и узнаешь прелести жизни кошачьей.

– К сведению: блохи на драконах не живут, – недовольно ответила Шанти. – И вообще, я пошутила. Ты абсолютно лишен чувства юмора! Ничего я тебе не собираюсь отгрызать. Если только так, для профилактики, слегка... чтобы не забывался.

– Во-во, о чем я и говорю. На коврик пойдешь! Печенки еще заказать тебе?

– Ох нет... облопалась, спать тянет. Я же кормлю ту часть тела, что находится в этом мире, а она маленькая, ей мало надо еды. Та часть, что в подпространстве, есть не просит. Ты говоришь, откуда я знаю про мир, если просидела в пещере сто лет. Почему я не сошла с ума... да сошла бы, если б не мама. Она передавала мне в картинках все, что видела и чувствовала сама... ну... кроме интимных подробностей, конечно. Так что я знаю все, что знает она. Ну почти все.

– Понятно. Значит, ты высокообразованная и разносторонняя личность?

– А ты сомневался? Кстати, а что ты думаешь делать с этой женщиной? Я ведь почувствовала идущее от тебя сексуальное влечение. Сразу заявляю: я спать за дверью комнаты не согласна! Хочешь с ней совокупляться – иди в ее комнату.

– Вообще-то я и не думал об этом, с чего ты взяла?

– Знаешь что, дорогой мой человек, это ты от себя можешь скрыть желания и мысли, а я, когда ты со мной разговариваешь, чувствую то, что ты чувствуешь. Впрочем, и то, что чувствуют остальные существа вокруг, тоже. Как у вас называется это умение?

– Эмпатия. Хм... интересно. И что эта женщина чувствовала ко мне?

– Желание. Она хочет тебя, аж трясется.

– Да перестань! Я же только что пришел, как она может так в меня втюриться с первого взгляда? И я не красавчик...

– Хм... я не очень-то разбираюсь в людской красоте, но в сравнении с остальными мужчинами, что тут находятся, ты просто идеал красоты. Вероятно, ты не разбираешься в этом деле. Она правильно сказала: от тебя веет опасностью. Даже я тебя побаиваюсь. А мама тебя как зауважала! Она вообще мало кого уважает – для нее большинство существ сравнимы с насекомыми. А с тобой она как с равным разговаривает. Я удивлена.

– Кстати, а что у нее за история, связанная с Драконьей горой? Чего она так переживает?

– Это наше драконье дело. Не знаю, могу ли я посвятить в него тебя. Давай-ка оставим эту тему, хорошо? Есть такие вещи, о которых лучше не спрашивать. Я вот не лезу в твоё прошлое? Ага, вот видишь! Чувствую, как ты сразу ошетинился, насторожился. Не хочешь, чтобы я лезла. Захочешь – сам расскажешь. Закажи-ка мне молока, хорошо? Что-то захотелось глотку промочить. Мне его не приходилось пить, когда я сидела в своей пещере. Если бы ты знал, как это страшно и плохо – годами сидеть в этой норе и знать, что нет выхода, что так будет вечно, что ничего не изменится...

Андрей подозвал подавальщицу и попросил принести миску и кружку молока. Девушка с улыбкой приняла заказ, глядя на сидящую торчком кошку, и через пару минут Андрей уже наливал густое, пахнущее деревней молоко в неглубокую миску. Вот что хорошо было в этом мире – никаких тебе генно-модифицированных продуктов, никакого порошкового молока, все натуральное, все настоящее, а не на сое и химикатах.

Тем временем жизнь трактира входила в свою обычную колею – народ собирался, заказывал выпивку и закуску, в зале висел чад светильников, гул толпы. Послышались резкие звуки настраиваемых струн, и Андрей увидел темноволосого мужчину, на коленях которого лежал инструмент, напоминающий то ли мандолину, то ли гитару. Он минут пять сосредоточенно настраивал инструмент, а потом запел неожиданно чистым, вибрирующим голосом под сопровождение несложных аккордов. Песня была о любви, о верности, об уходящих годах. Зал при-

тих, а когда песня закончилась, взорвался стуком кружек о столы – так посетители выражали свое удовольствие. Музыкант с достоинством кивнул и запел что-то новое, берущее за душу.

Андрей с удовольствием слушал певца. Так-то он не был таким уж любителем пения бардов, но хорошую музыку и хорошие стихи видно издалека. Олре повезло, что у нее в трактире выступает такой профессионал. Это точно увеличивает посещаемость заведения.

Кстати сказать, рулила своим заведением она очень даже виртуозно – трактир работал как отлаженная машина, без сбоев и остановок. Подавальщиц стало уже трое, они бегали между столами, обеспечивая гостей всем необходимым, кухарки быстро выдавали нужное блюдо, до того как гости начинали кричать, требуя скорейшей доставки заказанного. Олра стояла возле стойки, зорко следя за происходящим и время от времени отдавая команды, как капитан корабля с мостика, ведущий свое судно между опасных скал.

Какой-то из гостей решил оказать ей знаки внимания, она выслушала его с улыбкой и отрицательно мотнула головой, он все равно настаивал, и Андрей уже напрягся, готовый прийти на помощь, когда из угла поднялся вышибала. Встав между хозяйкой и подвыпившим гулякой, он всей своей громадной тушей оттеснил его в сторону и усадил на место, примиряюще улыбаясь. Улыбка человека с редкими зубами, шрамом через губу и сплюснутыми от ударов ушами была настолько страшной и многообещающей, что гость сразу утихомирился и замолчал, сделав вид, что не так уж было и надо. Не хочет она сидеть за его столиком – ну и ладно.

Андрей улыбнулся – в громадных габаритах и страшной физиономии есть свои преимущества. Ему в бытность вышибалой приходилось больше уповать на четкие, взвешенные фразы, взывать к логике, а когда не доходило – просто вырубать клиента. Впрочем, вскоре все завсегдатаи знали, что с Андреем лучше не связываться, себе дороже. Хорошо, если только вырубят, а не покалечит. Но он старался не калечить, хотя и мог любого нарушителя порядка убить или изувечить в мгновение ока. Зачем калечить? Это же клиент, за счет которого живет заведение, даже если он сейчас и немного не в себе. Ему завтра снова приходиться и оставлять в трактире свои денежки.

Шанти, вылакав целую миску молока, свернулась клубочком и засопела. Выглядела она настолько по-домашнему, настолько уютно, что Андрею захотелось оказаться где-нибудь подальше от этого шумного сборища. И чтобы горел камин, потрескивая дровами, а на плече лежала голова красивой женщины с припухшими от поцелуев губами... Он увидел лицо этой женщины, и оно оказалось лицом Олры.

Андрей тряхнул головой, отгоняя грешные мысли, и сосредоточился на музыке. Но, увы, в последний раз тренькнув тонкой струной, музыкант поклонился, обошел гостей с шапкой в руках и ушел в угол зала, где ему накрыли скромный стол. Мужчина пересчитал деньги из шапки, кривовато усмехнулся – мол, ну бывало и хуже! – и приступил к ужину. Ел он жадно, возможно, что перед этим у него целый день крошки во рту не было. «Что же, – подумал Андрей, – это вам не Земля, где придурковатые «певцы» получают бешеные гонорары за свои бездарные творения. Если их перенести сюда – с голоду бы сдохли. Их после первой же песни с позором бы выкинули из трактира».

– Эй, ты чего тут расселся один, как король?! И еще свою кошатину на стол выпер!

Андрей очнулся от своих размышлений и увидел перед собой того самого гостя, что приставал к Олре. Тот находился в тяжелой степени опьянения, когда на ногах еще стоят, но мозг уже не соображает, что делает тело. Андрей досадливо поморщился – ему ни к чему скандалы, драки, а этот тип только и напрашивался на разборки. Видимо, выбрал самого тихого и безобидного ботана среди посетителей и решил самоутвердиться, так сказать, взять реванш, после того как его унизил вышибала.

– Мы скоро уходим, – спокойно сказал Андрей. – И если ты вернешься на свое место, то не будет никаких неприятностей. После того как мы уйдем, ты займешь мое место. Договорились? Я тебя предупрежу, когда буду уходить.

Увы, на красном лице мужчины было написано лишь желание поставить на место этого тощего придурка с его дурацкой кошкой: «При чем тут место? Знай *свое* место, болван провинциальный!»

Андрей пожал плечами, встал, собираясь уходить, и краснолицый радостно засмеялся, довольный одержанной победой. Не успел Андрей взять в руки дремлющую Шанти, как мужчина сбросил ее со стола движением руки, и та ощутимо плюхнулась на пол, проснувшись и яростно зашипев.

Вот есть люди, которым все мало. И люди, которые хотят, чтобы их убили. А чего же еще хочет тот, кто оскорбляет незнакомого ему человека, поливает его отборными ругательствами? Он что, считает, что так ему и сойдет с рук, и он так и пойдет по жизни, топча людей, измываясь над теми, кто слабее и беднее его? Кстати сказать, как ни странно, такие люди иногда забирались и на самые высокие ступени социальной лестницы. Ну как тот придурочный миллиардер, который заявил, что те, у кого нет миллиарда долларов, идут в ж... Видимо, не нашлось человека, который бы его остановил. Навсегда.

Иногда Андрей задумывался: а может, его искуплением был бы отстрел вот таких негодяев? Ну зачем им жить, когда умирают, гибнут замечательные люди, которым этот подонки в подметки не годится? А он живет и процветает... Несправедливо ведь на самом-то деле?

Короткий удар в печень многие даже не успели заметить. Краснолицый побледнел и рухнул как подкошенный. Его парализовало от боли, и мужчина потерял сознание, застыв на полу. Никаких сложных приемов, телодвижений – короткий удар в правый бок, даже ребро не сломалось. Точная работа.

Шанти запрыгнула на столик, подошел вышибала. Он внимательно посмотрел на Андрея, на лежащего на полу дебошира и, покачав головой, укоризненно сказал неожиданно приятным и мелодичным голосом:

– Ну я же сказал ему: не нарывайся! Все-таки нарвался. Он тебе не помешал? Извини, я не успел – в углу там утихомиривал троих придурков. Пока до тебя дошел – уже поздно. Но ловко ты его уложил. Ты в боях за деньги не участвовал?

– Было дело... – усмехнулся монах. – Давно.

– Ага. Я сразу вижу бойца. У тебя взгляд такой... как у призового бойца. Взглянул – и как будто уже знаешь, как положить противника. Ладно. Ты его не убил? Что-то он лежит как мертвый... – Вышибала наклонился к дебоширу и пощупал пульс на шее.

Андрей присмотрелся к ауре забияки – печень была цела, только сильно ушиблена. Будет держаться за бок неделю. Ребра целы. Так что ничего страшного.

– Нет. Печень ему отбил, но не сильно. Будет жить.

– Ага, вижу. Да, после удара по печени особенно не разгуляешься. Я как-то пропустил такой удар – ой-ей как больно, выдохнуть можешь, а вдохнуть нет. Щас я его вытащу отсюда, а ты не беспокойся – сиди отдыхай. Вон хозяйка тебе машет... видать, приглянулся ты ей. Ты ее не обижай, она женщина замечательная, только с мужиками ей не везет. А ты ей чем-то приглянулся, я видел, как она с тобой разговаривала. Смотри, обидишь – я сам тебя обижу, имей в виду. – Добродушное уродливое лицо вышибалы на миг стало страшным, и Андрею почему-то представился круглый ринг с ревушими в схватке, осыпающими друг друга ударами бойцами. Одним из них был вышибала.

Андрей тряхнул головой, видение ушло, а он улыбнулся и сказал:

– Верю. Я не собираюсь ее обижать, она и вправду славная женщина.

Вышибала тоже улыбнулся и добавил:

– Ты хороший парень. Сейчас я скажу, чтобы тебе принесли вина за счет заведения. Не самого лучшего, конечно, но приличного – за моральный ущерб.

Вышибала легко поднял стокилограммовую тушу нокаутированного дебошира и куда-то ее унес. Скорее всего, тут была комната для «отстоя» таких вот пьяниц, а может, и выкидывали на улицу, не разбираясь, что с ним потом будет, оберут его уличные урки или нет.

Снова забренчали струны, но это был уже не одинокий музыкант, а целый «оркестр» из четырех исполнителей. Они сели у стойки в углу и заиграли что-то веселое.

Люди сорвались с мест и пустились в пляс, притопывая и с гиканьем кружась. Андрей снова собрался было уходить – не по душе эти шумные игрища, – и тут ему принесли кружку с вином. Отказаться было как-то неудобно, тем более что хозяйка весело махала ему рукой от стойки, мол, пей на здоровье! Он поднял кружку, отсалютовал ей, и отпил глоток. Вино было вполне приличным, даже на удивление – отдавало виноградной косточкой, терпкое и в меру вяжущее. Андрей с удовольствием стал его пить – что-то давно он не пил ничего спиртного. Впрочем, оно на него и не действовало – алкоголь сразу разрушался в его организме оборотня, давая лишь дополнительные калории. Но вкус хорошего вина был приятен и навевал некие ностальгические воспоминания...

Музыканты заиграли спокойную музыку, для парных танцев, и Андрей заметил, что женщин в зале стало гораздо больше – проститутки, какие-то подружки гуляк и непонятные особы, род деятельности которых сразу и не определить. Может, купчихи, может, жены привезших товар купцов, не желающие оставлять своих благоверных в гнезде разврата без присмотра – мало ли что спяну придет в голову. Мужика надо держать в ежовых рукавицах!

– Пойдем потанцуем? – Андрей увидел перед столиком Олру, улыбающуюся ему во все тридцать два белых ровных зуба. Она успела переодеться, и на ней было платье, подчеркивающее формы и обнажавшее в декольте высокую грудь.

Андрей растерянно помолчал, а потом пожал плечами и сказал, не зная, как отказать, чтобы не обидеть:

– Я не умею танцевать. Там, откуда я родом, такие танцы не в ходу. – Он кивнул головой на вальсирующие пары.

Это и правда было что-то вроде вальса, так что он немного лукавил, когда говорил, что не умеет танцевать, – умел, но делал это так давно, так давно... что уже и не помнил когда. На выпускном балу в школе? Или на курорте, где он снял ту красотку, с которой потом зависал целую неделю? (Ему пришлось уехать не попрощавшись и оставить ее спящей в номере, обнаженную, пахнущую персиками и любовью. Он потом долго ее вспоминал, но наемный убийца не может привязываться к кому-либо, зная наверняка, что скоро придется бежать... что в конце концов и произошло.)

– Я тебя поведу, – улыбнулась Олра, – ничего сложного нет. Кошечка, ты позволишь мне забрать твоего кавалера? – Она с улыбкой посмотрела на Шанти, а та открыла на миг глаза и, потянувшись, улыбнулась кошачьей улыбкой и замурчала.

«Иди уж! Ну что с вами поделаешь – низшие существа. Вот драконы два раза в год тянутся друг к другу для спаривания – и ничего, живы. А вы готовы каждый час совокупляться. Тебе не кажется это ненормальным? Вижу – нет».

Андрей встал, обхватил партнершу за талию, и они закружились в веселом вальсе.

Мелькали стены, мелькали столы, а перед глазами Андрея стояло лицо Олры, улыбающееся и такое желанное... Он вначале не попадал в такт, но потом настроился и повел в танце, прижав к себе и всем естественным ощущая упругое тело партнерши, податливо прильнувшей к нему так, как будто они знали друг друга много-много лет.

Утром Андрей осторожно выпростал руку из-под головы Олры, раскинувшейся во сне и явно привыкшей спать в одиночестве – она по-хозяйски захватила все пространство, оставив

ему небольшую полоску вдоль края. Кровать была пышной, застеленной шелком, сбитым в комки после бурной ночи.

Андрею давно не было так хорошо с женщиной – Олра была неистощима на выдумки, не стеснялась своего обнаженного тела и не брезговала никакими способами доставить удовольствие своему партнеру. Впрочем, и Андрей не отставал от нее. Женщина была очень чистой, ухоженной, пахла миндалем от каких-то притираний, а телом была под стать двадцатилетней красотке – никакого целлюлита или растяжек.

Стараясь двигаться бесшумно, Андрей оделся, но уйти незаметно ему не удалось. С кровати послышался голос Олры:

– Ты вернешься?

– Не знаю, – честно ответил Андрей. – Может быть. Может быть...

– Вот и все вы так, – вздохнула женщина. – Как только приличный мужик попадает, так сразу куда-то бежит, торопится... и пропадает. Куда вы все бежите? Жизнь проходит мимо, а вы все бежите, бежите, бежите...

Андрей присел на край кровати и ласково провел ладонью по твердому животу женщины. Она потянулась, закинув руки назад, и сладко зевнула.

– А хорошо было! Я уже полгода с мужчиной не была. Ты что думаешь, я всех в свою постель приглашаю?

– А разве нет? – ухмыльнулся Андрей, натягивая сапог.

– Тьфу, дурак! – Олра шутливо хлопнула его по спине тяжелой ладонью. – Знаешь же, что совсем не так! Последний мужчина, на которого я запала, жил у меня полгода... а потом уехал – какие-то мужские дела, не до семьи. Вам же семья ни к чему – перепихнулся и пошел, да? Если скажешь «да», я тебе врежу! – Олра весело засмеялась, но глаза ее были грустными, как у раненой косули...

Андрей серьезно помотал головой:

– Нет. Не так. Понимаешь... когда ты ведешь жизнь достаточно опасную, изобилующую делами, которые... в общем, привязываться к кому-то опасно. Можно навлечь неприятности на своих близких. Понимаешь?

– Понимаю. Я не спрашиваю тебя, чем ты занимался и занимаешься, не хочу знать. И вряд ли мне понравится то, чем ты занимаешься. Но человек ты хороший и добрый, даже сам не знаешь, насколько хороший и добрый. Я чувствую это, дар у меня такой – видеть людей такими, какие они есть. Вон вышибала, глянешь на него – урод уродом, страшила, зверь, а ведь он нежно любит свою молодую жену, у них две славные дочки... и добряк, каких мало. Если его не рассердить, конечно. Вот и ты такой же. Только, в отличие от него, красавчик. Тебе сколько лет? Тридцать? Двадцать семь? Или меньше?

– Хм... я гораздо старше. Неужели я выгляжу так молодо? – удивился Андрей. – С чего ты взяла?

– Ты меня разыгрываешь? – усмехнулась Олра. – Глянь-ка.

Она соскочила с постели и пошла к этажерке. Андрей залюбовался ее телом – Олра шла как танцовщица, покачивая крепкими бедрами. Ее талия была тонкой, и силуэт женщины напоминал греческую амфору. Фигура просто дышала здоровьем и красотой – и тем больше Андрей задумывался, как так оказалось, что она стала бесплодной?

Он сосредоточился на ауре женщины и обнаружил в ее животе сгусток черно-красного свечения – что-то и правда было такое, что не позволяло ей зачать. «Скорее всего, непроходимость маточных труб, – почему-то пришло ему в голову, и Андрей усмехнулся. – Может, в лекари податься? А что? Большие деньги бы имел... Хм... а если попробовать?»

Олра принесла зеркало, Андрей глянул в него и поразился: вместо мужика под пятьдесят лет на него смотрел приятный тридцатилетний мужчина, с черными, не тронутыми седой волосами, с гладким, лишенным шрамов и каких-либо повреждений лицом... И правда –

герой-любовник. Постоянные преобразования в Зверя и обратно привели к неожиданному результату – человеческое тело, в которое он возвращался, автоматически меняло состояние, становясь наиболее функциональным, здоровым и сильным, то есть телом тридцатилетнего мужчины. Фактически, чтобы избавиться от ран или шрамов, болезней, ему было достаточно перейти в Зверя и обратно. Это его позабавило и снова привело к мысли о том, сколько же он может прожить? Может... вечно?!

Глава 2

– Видишь? А ты говорил – гораздо старше. – Олра, улыбаясь, потерявила его волосы, стянутые кожаным ремешком в хвост на затылке. – А вот подстричься бы не мешало, тебе не кажется? Ну хоть подровнять. Хотя тебе и так хорошо.

– Погоди. – Андрей мягко отстранил ее руку, опрокинулся на спину, обнимая женщину, и она ойкнула, а потом свернулась в комочек, прижавшись к его боку и глядя в лицо хитрыми глазами. Олра в этот момент почему-то так напоминала Шанти, что Андрей невольно улыбнулся и погладил ее по гладкому бедру. Женщина прижалась еще теснее и замерла, сопя ему в подмышку. – Скажи, Олра, как так получилось, что ты не можешь иметь детей? – начал он осторожно, ожидая любой реакции, вплоть до скандала и ругани.

Но ничего не произошло, она лишь на мгновение прекратила сопеть, а потом спокойно, даже очень спокойно ответила:

– Ты и вправду хочешь знать? Зачем тебе это?

– Вероятно, чтобы знать... разве знания бывают лишними?

– Некоторые – да. – Она отстранилась от Андрея и села на краю кровати, держась за спинку и глядя в пустоту. – Я расскажу тебе. Только после этого захочешь ли ты иметь со мной дело?

– А это уже предоставь решать мне, ладно? – хмыкнул Андрей.

– Мне было двенадцать лет. Была очередная война с Балроном. И меня изнасиловали пятеро пьяных солдат. Я еле выжила. А еще они наградили меня дурной болезнью. После этого я стала бесплодной. Где был мой отец в этот момент? Лежал в углу, с разбитой головой. Они ворвались к нам под утро, когда не было посетителей. Отец потом долгие годы болел, и его мучили припадки, поэтому он три года назад и скончался. Последние несколько лет я сама вела все дела, без него. Ну а я... я лечилась. Избавилась от дурной болезни. Шрамы на теле и внутри зажили. Вот только в душе шрамы остались да детей я больше не могу иметь. Хотел рассказа? Ты его получил. Теперь как? Прикоснешься к такой женщине, с дурными болезнями и ранами?

– Это были солдаты Балрона? – сглотнув, спросил Андрей.

– Нет. Наши, славские. Мы потом подавали жалобу, их искали, но не нашли. Вроде как не нашли. Да и что бы это изменило? Мы с отцом снова стали бы здоровыми? Нам вернули бы отнятую радость жизни? Если бы могла, я бы нашла их и убила – мучительно, страшно. Вот, смотри. – Олра подошла к столу, достала шкатулку и вынула из нее какой-то значок. – Это принадлежало одному из них. Он обронил, когда насиловал меня. Я отбивалась, как могла, но что двенадцатилетняя девчонка может сделать против здорового бугая? Я только помню тяжелый гнилостный запах из его рта и красный, с прожилками сосудов нос. От него воняло перегаром, чесноком, и из его рта капали слюны прямо мне на голую грудь... брр...

Андрей встал, подошел к женщине, обнял, прижав к себе, и взял ее руку в свою. Внезапно его прошибло чем-то вроде электрического удара, он даже вздрогнул – Андрей увидел владельца значка! Его грубое лицо с красным носом, его толстые губы и кривые желтые зубы, ощеренные, как будто он хотел укусить. Картинка исчезла, но лицо человека запечатлелось в памяти.

– Что с тобой? – обеспокоилась Олра. – Тебе плохо? Ты так вздрогнул...

– Нет, все нормально. А что с лечением, почему тебя не смогли вылечить?

– Не знаю. Болезнь вылечили. А потом оказалось – не могу зачать. Я уже всяко пробовала – думала, дело в партнерах. Но нет – во мне. Это точно. Лекари только руками разводили. И все.

– А живот иногда болит? – вскользь поинтересовался Андрей.

– Болит. А ты откуда знаешь? – удивилась она. – Побаливает, да.

– Так... чувствую. Сейчас тоже болит?
– Болит... немного... Но я к этому уже привыкла.
– А хочешь, я попробую тебя вылечить?
– Ты что, лекарь? – Женщина удивленно вскинула брови.
– Нет. Но я тоже кое-что умею. Ну так как? Хочешь иметь детей или только прикидываешься? Решай быстрее, мне некогда, пора идти!
– Издеваешься? – отшатнулась Олра. – Не ожидала от тебя!
– Перестань. Никакой издевки. Иди ко мне! – Андрей подхватил закусившую губу женщину на руки и отнес на кровать. – Расслабься. Сейчас боль пройдет!

Он погладил Олру вдоль тела, женщина расслабилась и прикрыла глаза. Андрей коснулся ее ауры возле живота, где полыхал красный комочек боли. Его прошибло потом, но он сдержался и не отдергивал руку до тех пор, пока красное свечение не исчезло. Олра протяжно вздохнула и прошептала:

– Как хорошо... ох, как хорошо... мне давно не было так хорошо! И ничего не болит... Какие у тебя ласковые руки. Наверное, самые ласковые руки на свете!

Андрей криво усмехнулся, глядя на свои огромные кисти, свободно ломающие подкову и шею противника, и продолжил лечение.

Теперь предстояло самое сложное – убрать черноту. Хорошо, что там, где была нарушена структура тела, не было костей – их пришлось бы ломать. А спайки, рубцы могут легко рассосаться, если на них воздействовать как надо. А он умел – как надо.

Чернота медленно переходила на его ауру, светящуюся ярко и сочно, растворялась в ней, и на долю секунды аура потускнела, но затем снова засияла ровным, сильным светом. Андрей задумался над тем, какой силы должна быть болезнь, чтобы его аура потухла совсем, и не влияет ли вот этот принятый на себя недуг на здоровье.

Прислушался к себе, но ничего плохого не ощутил, никаких болезненных явлений, ни уколов, ни ломоты. Как было все, так и осталось.

Наконец последние остатки черноты ушли из Олры, блаженно закрывшей глаза. Андрей еще немного понаблюдал за ее аурой и добавил над животом оранжевого цвета, нагнетая его до полной яркости. Он не знал, почему так сделал, просто послушался интуиции.

Олра протяжно застонала, и вдруг ее живот стал дергаться, а все тело свело судорогой, не проходящей несколько минут. Это был мощный оргазм, такой, какие у нее были этой ночью, а может, даже сильнее.

Через минут пять она успокоилась, широко открыла глаза и хриловатым от возбуждения голосом сказала:

– Кто ты такой?! Ты демон! Я никогда еще не испытывала такого наслаждения, думала, сейчас умру! Я потеряла сознание? Нет? У меня перед глазами точки плавают... ох ты... у меня слов нет. Может, не пойдешь никуда, поваляемся? Ну пожалуйста! Ну хоть полчаса! Успеешь к своим друзьям, никуда они не денутся! Ну пожалей меня, останься, мне так мало радости в жизни досталось!

– Спекулянтка! – хмыкнул Андрей и решительно потянул с себя сапог...

С Олрой он расстался только через час. Она была ненасытна, как течная кошка. И только когда он решительно оторвал от себя ее руки, женщина сдалась, но пригрозила, что, если он не придет вечером, найдет его и искушает до полусмерти. На том и сошлись.

Кстати сказать, одним из аргументов заманивания было обещание взять Андрея вместе со всеми друзьями на постой, на полное обеспечение – лишь бы делал то, что сегодня ночью. В устах другой женщины это прозвучало бы вульгарно, как будто ему предлагали отрабатывать постой своим телом, но в устах Олры это звучало весело и непринужденно – на нее трудно было обижаться. Она была откровенным и чистым человеком, настолько чистым, что даже трудно представить что-то такое чистое в этом черном, злом мире.

Он зашел в мойню и только потом направился в свою комнату. Проголодавшаяся Шанти извергла на него фонтан ругани. Она шипела, будто прохудившаяся шина, и чуть не плевалась от ярости.

– Ты – мерзавец! Я подозревала, что ты мерзавец, но не до такой степени! – Шанти скакала как мяч и норовила тяпнуть партнера за ногу. – Ты там совокуплялся, как бродячий кот, а я... а я... у меня последний глоток молока был вчера! Почти месяц назад!

– Какой месяц? Ты с ума сошла? Ты же вчера вечером налопалась печенки, напилась молока так, что пузо раздулось, неужели так проголодалась?!

– Проголодалась?! Да я сейчас тебя сожру, если ты не обеспечишь мне кусок печенки и литр молока! А еще... а еще... я потом придумаю. Пошли скорее! – Шанти, задрав хвост трубой, бросилась в коридор.

Ну что же, она заслужила право на раздражение – гулянки гулянками, но о тех, кого приручил, забывать нельзя. Андрей, усмехаясь, направился следом.

В зале было тихо. Следы вечернего безумства убраны, а из столиков занято только два – за одним сидят вчерашние купцы, а за другим... за другим Шанти, с урчанием пожирающая свежую печенку. Устроившаяся рядом Олра с улыбкой поглядывала на «кошечку», поглощающую угощение, как мусороуборочная машина.

– Привет! Давно не виделись! – поприветствовала она любовника. – Сейчас принесут пироги. Они сегодня удались. Эй-эй, не лезь за деньгами, в самом деле! Я, наверное, себе могу позволить угощать тех, кого хочу. Надеюсь, ты не задурен предрассудками насчет того, что мужчине не пристало принимать подарки от женщин? Ну и славно. Ешь скорее. Мадра, принеси еще яблочного сока. С утра пить пиво совсем не аристократично, не правда ли, мой дорогой? – обратилась она к Андрею.

Тот фыркнул, а Мадра, вытаращив глаза, побежала исполнять заказ и обсуждать важную новость с товарками: «Хозяйка нашла себе нового мужика! Да такого красивого! Вот же везет!» – «Будет у тебя гостиница – тебе тоже так повезет».

– Ты найдешь купеческий квартал? Может, тебя проводить? – озабоченно спросила Олра, поводя хитрыми глазами.

– Не сбегу я, – ухмыльнулся Андрей. – Клянусь, что обязательно вернусь сегодня вечером. Если надо, конечно.

– Ну вот зачем так сказал? – возмущенно фыркнула Олра. – Надо, конечно. А! Ты должен был услышать длинную тираду о том, что я не могу без тебя жить, и что ты обязательно должен оказаться со мной в постели, и лучшего, чем ты, любовника у меня не было? Ну считай, ты услышал. Кстати, забыла спросить: а что с лечением? У тебя получилось?

– Ты чувствуешь, чтобы что-то болело? И вообще, прислушайся к организму – как он себя ощущает? То-то же... я думаю, что у тебя теперь все в порядке. Но не обольщайся – пройдет какое-то время, прежде чем ты убедишься в том, что все получилось как надо. Не жди молниеносного результата.

– Я разве дала основания считать меня дурой? – вздохнула женщина. – Знаю, все знаю. Буду ждать. Ох, как я буду ждать! А ты постарайся... пока не уехал, ладно? Пожалуйста... Что касается купеческого квартала – я имела в виду, не послать ли с тобой проводника? Сейчас кликну кухонного парнишку, и пусть тебя проводит. Он рад будет поотлынивать от дела. А мне надо заняться приемом товара, сейчас должны вино привезти, мясо, зелень, муку... да много чего. Не уследишь – эти идиоты мясные туши на мешки с мукой взгромоздят, а зелень бросят под ноги и будут топтаться. Народ у нас совершенно бестолковый и безответственный.

– Думаешь, только у вас? – рассмеялся Андрей. – Это во всех мирах... хм... во всех городах такой. Меня всегда раздражало то, что человек дает обещание и не выполняет его. Или договаривается о встрече и опаздывает на полчаса, а то и больше. Ну почему я должен ждать этого придурка? Почему он не ценит мое время и так ценит свое?

– С такими убеждениями трудно жить, – грустно улыбнулась Олра. – Я сама такая. Иногда просто хочется взять палку и побить этих паразитов. Вам, мужикам, легче – взял да и отлупил негодяев. А нам сложнее, приходится быть изощренными интриганками, воздействуя кнутом и пряником, уговаривая, вызывая к совести... и проигрывая. В некоторых случаях все-таки надо прибегать к силе.

– Есть такое выражение: добро должно быть с кулаками, – усмехнулся Андрей, засовывая в рот последний кусок пирога, запивая его соком и нацеливаясь встать с места. – Ну все, нам пора. Пошли, моя ласковая подруга!

Он поднял Шанти, посадил на левое плечо, где она с удовольствием и устроилась. Олра поцеловала его в щеку, чем вызвала бурный всплеск эмоций кухонного персонала, выглядывающего в окошко раздачи.

Андрей вышел на улицу, направляясь к центру города. Через минуту его нагнал пацаненок лет четырнадцати, вертлявый и шустрый, как большинство городских пострелят, и сообщил, что хозяйка отправила его показать, где находится купеческий квартал. И что лучше идти туда не через центр, а вот по этой боковой улице, потому что она кривая и выведет на другую улицу, которая поведет к... В общем, лучше нанять извозчика, и тот за пару серебряников довезет куда надо, и не нужно будет сбивать ноги. А он, если господин не против, побежит по своим делам – он же не может оставить трактир на такое долгое время без надлежащего присмотра?

Андрей шибко сомневался, что мальчуган тут же побежит в трактир таскать воду и чистить овощи, – скорее всего, сдернет к своим уличным друзьям и займется чем-нибудь поинтереснее, но его идея по поводу извозчика была совершенно верной. Тем более что один из представителей местного племени таксистов обнаружился на перекрестке, уныло стоящим на «пятак» в ожидании выгодного клиента.

Бросив обрадовавшемуся мальчишке медяк, Андрей подошел к пролетке и растолкал ошеломленного «водилу», уснувшего в своем «рено».

– Что?! А?! Как?! Да-да! В лучшем виде! Поехали! И-э-эх!

Ехать до купеческого квартала оказалось довольно далеко – с полчаса пролетка петляла по кривым улочкам, громяхая окованными железом колесами и с трудом разъезжаясь со встречными телегами и конкурентами «таксера» – с одним он даже крепко поругался, проскакивая мимо и норовя врезаться по тому кнутом. Как понял из их перепалки Андрей, второй «таксер» был нарушителем конвенции и забрал клиента вне очереди, из-под носа первого. За что его ожидала кара при первой же их встрече. Сейчас просто некогда, так как он везет господина. Но вот потом...

Что будет потом, Андрей не узнал, потому что второй извозчик ускользнул, нахлестывая бодрую лошадку, а через минуту они уже въехали в квартал, состоящий из добротных домов, являющихся в основном лавками для продажи товара. Андрей расплатился и, выйдя из пролетки, оказался посреди незнакомого города, не зная, куда идти и с чего начать поиски.

В конце концов он зашел в первую попавшуюся лавку, над которой висел на цепях металлический сапог, поскрипывающий на легком утреннем ветерке.

– Приветствую, господин! – встретил его улыбкой пожилой человек, сидящий в углу комнаты, заставленной полками с сапогами и башмаками различных видов и расцветок. – Вам подобрать что-то достойное вашей мужественной внешности? Такому красавцу не пристало ходить в простых, стоптанных сапогах!

– Нет, благодарю, – улыбнулся Андрей. – Я бы хотел кое-что спросить. Вы случайно не знаете тут дом, где живут мужчина по имени Федор, его жена Алена и девочка Настя? Они не так давно прибыли в город, а я друг их семьи. Хотелось бы навестить, а как найти – не знаю.

– Хм... жаль, конечно, что вы не покупатель... но что поделаешь. Может, и на нашей улице когда-нибудь перевернется телега с золотыми. В общем, так: слышать про вашего друга я

не слышал – видимо, он недавно сюда прибыл, но спрашивать нужно Симона. Симон – агент по недвижимости. Ваш друг обязательно или снял жилье, или купил. А все сделки или проходят через Симона, или он знает, кто и что купил-продал. И не только – его связи простираются очень, очень далеко, и знает он многое, если не все. Только должен предупредить: он человек... хм... любящий деньги, скажем так, и за просто так ничего рассказывать не будет. А найти его можно, если пройти вот по этой улице два квартала, там будет серый дом в два этажа, с вывеской «С». Его легко узнать, не ошибетесь. На двери звонок, дерните три раза подряд – так обычно звонят местные, что приходят насчет покупки недвижимости. Он, даже если в сортире сидит, сразу выбежит, даже не подтерев зада, – ну как же, деньги могут уйти! Удачи вам в поисках.

– Благодарю. Я вам что-то должен за информацию?

– Да перестаньте! Я же не Симон! – Старик весело фыркнул и снова уселся в свое кресло, положив ноги на табуретку. – Лучше, как надумаете купить башмаки или сапоги, придите ко мне. Я вам хорошую скидку сделаю за то, что вы приятный, уважительный человек.

– Взаимно. Обязательно, как буду менять обувь, приду к вам. Обещаю! – Андрей улыбнулся и вышел из лавки. В последнее время ему почему-то везло на хороших людей, и он даже слегка обеспокоился – как бы не исчерпать лимит.

Но нет, Симон сразу восстановил баланс, так как оказалось, что это совершеннейшая гнида, мечтающая лишь о том, чтобы клиент пришел, отдал деньги и... ушел. Все. До следующего раза – чтобы повторить пройденное.

Маленький человечек с кудрявой головой и торчащими из носа толстыми черными волосами, он напомнил Андрею одного знакомого адвоката, выжигу и аферюгу. Тот защищал бандитов и прочих подозрительных типов – главное, чтобы у них были деньги. Андрей столкнулся с ним на заре своей деятельности, когда еще числился в рядах Вооруженных сил, но уже не очень чтобы так – числился, но выполнял задания, совсем несовместимые с честью военного. За это ему уже платили деньги.

Однажды он вляпался в непонятку, попав в милицию со стволом на руках, и занимался им вот этот самый адвокат, в считанные дни вытащивший его из застенков.

В порыве откровенности адвокат пояснил Андрею, когда отвозил его на своем «бентли» из СИЗО, что главная работа адвоката – это не витийствовать на суде, забыть надо всяких там Плевако и Ария. Главное – наладить контакты. Чтобы знать, кому сколько дать. Берут все. Не берут только мертвые. А если попадешься на взятке, молчать и никого не сдавать – ни судей, ни прокурорских, ни ментов. И тогда ты и на зоне будешь жить как человек, и выйдешь раньше, и бабла при посадке не лишишься, и можешь снова быстро заняться той же деятельностью.

Адвокат был слегка пьян – он любил хорошие, дорогие вина. Вел машину водитель. Почему он разоткровенничался перед незнакомым клиентом? Да кто знает – может, хотел произвести впечатление из тщеславия. Да и почему нет? Он же ничего нового не сказал, это и так известно каждому.

– Информация будет стоить пять золотых! – сразу безапелляционно заявил Симон. – Или ищите другого информатора! Мало ли зачем вы их ищите – может, грохнуть хотите? А я потом проблем получу. Пять. Все.

– И если вы знаете, что я хочу их убить, все равно дадите мне информацию? – спросил Андрей, чувствуя дрожь в руках от желания свернуть шею дерьмецу.

– А что вы так возбудились? – усмехнулся Симон. – Если хотите их убить – ваши проблемы. Не я же их убиваю. Все стоит денег. И вот эта информация стоит пять золотых. И я вам дам адрес. И я гарантирую, что те, кого вы ищите, находятся по этому адресу. По крайней мере, последние несколько дней они были там. Без меня вы будете искать их долго. Найдете, да. Потратите время, деньги, силы и найдете. Или же пять золотых – и скоро вы обнимаете, или убиваете, тех, кто вам нужен.

– Скажите, – поинтересовался Андрей, ласково улыбаясь Симону, – почему вы до сих пор живы? Вот я сижу и думаю: а может, ему шею свернуть?

– А невыгодно. Я всем нужен. И вам нужен. Вот понадобится вам какая-то информация или же контакт с каким-нибудь высокопоставленным негодяем – куда вы пойдете? Что будете делать? Ко мне пойдете. Зачем резать курицу, несущую золотые яйца? Смысла нет. Ну да, я негодяй. И что? Это как-то повлияет на качество информации? Я всегда держу слово, если я дал информацию – она на сто процентов точна. Зачем меня убивать?

– Сука ты, – буркнул Андрей. – Один золотой, и ни серебряником больше.

– Четыре.

– Два!

– Три, и не меньше! Последнее слово. Меньше не будет, и то только потому, что ты не собираешься их убивать. А так было бы дороже.

Через десять минут Андрей шел вниз по улице и думал о том, что все-таки с такими откровенными циниками и подлецами иметь дело легче, чем с теми, кто внешне ставит себя ангелами, а в спину шипит гадости и исподтишка строит козни. Эти ясны как божий день, а вторые – опаснее всего. Тут все просто: отдал бабла – гони товар. Честная сделка.

На перекрестке стоял давешний извозчик, который обрадовался клиенту и вмиг домчал его до нужного дома. И всего за серебряник. После долгого объяснения про трудности жизни и дороговизну овса.

Простой дом – добротный, одноэтажный, с крепкими воротами. Там ли Федор? Сколько он уже его не видал? Несколько месяцев? Уже и не упомнить, сколько он не видел друга – пока был в плену у графа, потом путешествовал к Драконьей горе, потом добирался до столицы...

Андрей решительно подошел к воротам и забарабанил в калитку. Никто не ответил, и тогда он усилил напор. Опять ноль. Неужто обманул Симон? Он уже долбил ногой, когда калитка открылась и хриплый голос грозно спросил:

– Какая сука тут ломает калитку? Вот я сейчас башку-то снесу! Там же есть веревочка – дернуть что, ума не хватает?

– Не-а... глупый я совсем, – признался Андрей. – Привет, друг. Как вы тут без меня?

– Андрюха, ты?! – Федор выскочил из калитки, принял Андрея в медвежьи объятия и поднял, сдавив так, что хрустнули кости. – Наконец-то! Я знал, что этим козлам тебя не погубить! Скорее заходи! Только у нас беда... – Он вытер глаза левой рукой, в правой же Гнатьев держал неизменную саблю.

– Что такое? Что случилось? – похолодел Андрей. – Кто-то напал, обидел вас? Исчадия?

– Нет. Чума. Тсс... а то нас тут запрут в доме, а дом спалят. Скорее заходи! – Федор втащил Андрея во двор и, оглядевшись по сторонам, не видел ли кто, запер калитку. – Не знаю, где они подцепили – вначале Алена, потом Настенка. Буквально два дня как. Они на базар ходили, возможно, подцепили от кого-то из приезжих. Тут это бывает. Смертность пятьдесят процентов. Обычно, как кто заболит, из дома не выпускают, окна-двери забивают, только через месяц заглядывают – если выжили, значит, выжили. Нет – значит, нет. А дом сжигают. Я пока не заболел, держусь. Ухаживаю за ними. Они уже нарывами покрылись – смотреть страшно.

– Ни хрена себе... Во ты меня радуешь. Веди к ним. Они в сознании?

– Уже нет – бредят в горячке. Андрюха, спаси их, а? Ты же сможешь, Андрюх? – Федор беззвучно заплакал, и по его щекам потекли крупные, прозрачные слезы.

Всегда страшно, когда близкие тяжело болеют... а уж чума...

Андрей никогда с ней не сталкивался, на Земле эта болезнь давно была уничтожена, но раньше, в Средние века, она косила людей сотнями тысяч. Миллионами. Даже выражение такое появилось «пир во время чумы», когда люди, зная, что все равно умрут и спасения нет, пускались во все тяжкие: пили, гуляли, совокуплялись с кем попало – терять-то все равно нечего! И действительно, многие умирали в считанные часы.

Кстати сказать, земная чума отличалась от здешней: та убивала людей быстро – два-три часа, и труп. А тут – два дня, и только лихорадка, выживаемость пятьдесят процентов. У земной чумы смертность более девяноста процентов, это он знал точно. Как-то попалась статья о «черной смерти», так он с удивлением узнал, что некогда от чумы полегло более пятидесяти миллионов человек, и это при том, что населения-то было не как сейчас – миллиарды, а гораздо, гораздо меньше.

– Пошли-пошли, ничего страшного, сейчас все решим! – Андрей подтолкнул друга в сторону дома.

В комнатах пахло тленом, смертью и затхлостью, как и всегда рядом с тяжелобольным человеком.

Андрей посмотрел на Шанти и спросил:

– Может, погуляешь на улице? Во дворе? Чего ты со мной будешь болтаться – иди подыши воздухом.

– Я не против, – кротко ответила драконица, – тем более что мне надо сходить по нужде. Только дверь не закрывай, чтобы я могла войти.

– Не закрою. Федь, она просит не закрывать двери, чтобы могла потом сама войти. Оставь открытой, заодно пусть тут немного проветрится, а то запах ужасный.

– Ты разговариваешь с кошкой? И она отвечает? – вяло удивился Федор. – Впрочем, рядом с тобой ко всему можно привыкнуть. Нам в эту комнату, тут они.

Алена и Настя лежали, накрытые теплыми одеялами, и тряслись в лихорадке. Их лица были красными, а когда Андрей откинул одеяла, то увидел несколько черных, с фиолетовым оттенком нарывов – в подмышечных впадинах и на груди, животе, шее. Зрелище было отвратительным, чума – это не то зрелище, которое радует глаз. А тем более нос.

Обостренным обонянием Андрей ощутил такую вонь, что у него чуть не помутилось в голове. Андрей пошатнулся, и Федор с испугом поддержал его под руку:

– Что с тобой? С тобой все в порядке?

– Норма. Понимаешь, у меня нос стал как у собаки... я запахи чую, как охотничий пес... вот и получил заряд запахов по носу. Ничего страшного, привыкну. Дай мне стул и молчи, не мешай.

Андрей осмотрел пациенток – над ними клубились сполохи черного и красного, охватывая их буквально со всех сторон.

Начать он решил с Насти, как с более слабой. Протянув руки вперед, Андрей коснулся ауры девочки, и его пронзил удар такой боли, что он не смог удержаться и скривился. Справившись с собой, он стал всасывать черную энергию болезни. Аура светлела, красного становилась все меньше, черное серело... и через пять минут на постели лежала розовая, вполне на вид здоровая девочка. Нарывы исчезли, рассосавшись, и не оставили на ее теле даже следа. Настя спала, дыша ровно и глубоко.

Теперь настал черед Алены – тут болезнь зашла глубже, и монаху пришлось потрудиться больше. Он всосал в себя ее болезнь минут за пятнадцать, не оставив в организме женщины ни следа от страшной «черной смерти».

Федор молча стоял рядом, вцепившись в спинку стула, а когда все было закончено, обнял Андрея и уткнулся ему головой в грудь. Плечи его тряслись, и Андрей смущенно приговаривал:

– Ну чего ты, все кончилось, все хорошо, перестань! Буди их – пусть прибираются, всю эту дрянь надо сжечь в печи, а комнату залить спиртом, вымыть всю – пол, стены, потолок. И дай-ка я на тебя погляжу – с тобой-то все в порядке? Нормально. Здоров как бык. Видать, так проспиртовался, что болезнь тебя напугалась. Помоги мне, я что-то приустал...

Андрей тяжело встал и вдруг ощутил боль в животе. Он побледнел и побежал к выходу – только успел перешагнуть порог, как его вырвало пирогами, которые он недавно ел. Федор, побледнев, с ужасом смотрел на него.

– Так начинается чума! Неужто и ты заразился?! Тебя-то чем теперь лечить? Ты сам никак не можешь себя вылечить?

– Сейчас все устроим, – усмехнулся Андрей и, отойдя от опоганенного места, стал снимать с себя одежду и обувь. Потом подал импульс и быстро, в считанные секунды, перекинулся в Зверя.

Сделав несколько прыжков, он обернулся к ошеломленному Федору, никогда не видевшему его в этой ипостаси, и помахал ему лапой, отчего тот еще больше обалдел.

Неожиданно в дверях показалась Настена. Она спросонок терла кулачками глаза и, увидев Зверя, радостно пропищала:

– Собачка! Пап, какая собачка хорошая! Ты купил собачку?!

– Доча, иди в дом, иди! – Прогнав Настю, Федор махнул Андрею рукой.

Тот снова перекинулся в человека и быстро оделся. Чувствовал он себя отлично, его не тошнило, а тело было так наполнено энергией, что хотелось бегать, скакать, кричать.

Андрей подавил порыв и тут же сильно захотел есть – трансформация есть трансформация, так просто не дается. Он немного посидел на скамейке во дворе и пошел в дом, где уже полным ходом шла уборка. Алена, увидев Андрея, подбежала к нему и, обхватив за шею, поцеловала.

– Наконец-то! Как ты вовремя! Почему-то ты всегда так вовремя, если бы не ты... Не ревнуй, Федя, он мне дорог, как брат!

– Я знаю, – усмехнулся Федор. – Эй, Настенка, глянь, кто пришел!

– А-а-а! Дядя Андрей! Ура-а-а! А где собачка? Это твоя там собачка была? Куда собачку дели? Пап, собачку!

– Нет собачки. Зато есть кошечка – глянь, какая славная! – Федор кивнул на входящую в дом Шанти, и Настенка с визгом бросилась к драконице.

– Осторожнее! – всполошился Андрей. – Это очень сердитая кошечка! Она может поцарапать!

«Глупец, – сразу отреагировала Шанти, – я младенцев не трогаю! Они всяко лучше вас, взрослых, чище вас и порядочнее. Впрочем, если она будет дергать мой хвост, я ее выпорю!»

Шанти аккуратно отбила мягкой лапой руку Насти, тянущуюся к ее драгоценному хвосту, и благосклонно дала погладить себя по голове. Потом легко вспрыгнула девочке на плечо, где и устроилась, как экзотический воротник обернувшись вокруг шеи.

– Славная кошечка... – Алена восхищенно посмотрела на разлегшуюся Шанти и заторопилась: – Мужчины, идите раздевайтесь! Одежду давайте сюда – я ее всю выстираю. Как бы зараза не впиталась. Вообще, я бы выехала из этого дома, не зря дома сжигают после того, как в них заболевают чумой. Нет, мы вот как сейчас сделаем: кровати – во двор! Одежда, подушки – на кровать! Раздевайтесь! Дочка, выйди, папка с дядей Андреем тут будут голыми задами сверкать, тебе пока рано на голых мужиков смотреть. Давай-давай отсюда, я сказала! Иди покажи кошечке куколку, домик для них, поиграй с ней, а то ей скучно. Андрей, я видала голых мужиков, не сомневайся, так что можешь раздеваться. Вынесли? Ага, одежду долой! Сейчас я вам Федины штаны принесу и рубахи. Только прежде вымойтесь, сейчас корыто будет. Отмывайтесь хорошенько – это вам не что-то, это «черная смерть»! Я пока что комнату водкой ототру. Надо будет ее еще окурить – потом куплю на базаре специальные коренья, есть такие для окуривания после болезней.

Андрей натянул чистые Федоровы штаны, надел рубаху и заметил:

– Жена-то у тебя боевая стала. И куда делась та нерешительная, напуганная женщина, которую мы встретили на дороге?

– У тебя что-то с памятью, – хмыкнул Федор. – Она и тогда была бой-баба. Вспомни-ка, как она выступила против толпы односельчан и собиралась пойти в лес биться за Настену с кикиморой? То-то... а говоришь – нерешительная. Она мне вина пить не дает: я только бутылку

в руки – она в драку! Знаешь, я забыл, когда уже и вина-то как следует пил. И еще – ты знаешь, она ведь беременна...

– Поздравляю! – искренне порадовался Андрей. – Значит, у вас на самом деле так все серьезно? Это здорово, я рад за вас.

– Пока не видать живота, но уже... Что касается серьезности – я и сам не думал не гадал. Это я настоял: хочу ребенка, и все тут. Она не хотела, говорит, непонятно, что впереди. Но ведь если все время ждешь и ждешь, когда заживешь спокойно, можно и не дожидаться счастья, не так ли? Мне уже за сорок, и ничего за душой, кроме старого дома да сумасбродного друга, влипающего в неприятности. На старости лет встретить любовь – надеюсь, ты меня поймешь.

– Пойму... – усмехнулся Андрей, и перед его глазами почему-то встало лицо Олры. – Наверное, пойму.

– Андрей, какие у нас планы? – осторожно поинтересовался Федор, расчесывая деревянным гребешком мокрые волосы. – Ты по-прежнему собираешься в Балрон? Или решил обосноваться тут, в столице?

– Да, собираюсь. И надеюсь, что вы последуете за мной. Почему? Потому что тут оставаться опасно. Потому что за нами тянется такой вонючий хвост, что его вонь может перебить все запахи жизни вокруг нас. Потому что... в общем, ты и сам все знаешь. Дом купил или снимаешь?

– Купил, – грустно ответил Федор, поглядывая в окно. – Ты прав, конечно. Я сам все понимаю – вдруг сюда дойдет информация исчадий... Кстати, а как ты с графом разобрался? Как вырвался от него? Расскажешь?

– Расскажу. Я тебя тоже понимаю: дом, достаток, любимая женщина – и вдруг пускаться в неизведанное путешествие, в какое-то чужое государство, неизвестно как там пойдут дела. С беременной женой и маленькой приемной дочкой... Федь, я тебе одно скажу: там, где нет исчадий, какое бы оно государство ни было, все равно лучше, чем там, где они есть. Согласись, что это так. Деньги у нас есть... кстати, ты не все еще истратил? Нет?

– С ума сошел – там столько, что истратить трудно. Впрочем, если постараться – можно. Просто масштабы у нас не те. Я только на дом взял да на проживание – и то из своих. Твои все целы, я не трогал. Там еще украшений на круглую сумму, хватит на все.

– Федь, ну чего ты ерундишь? Мне деньги нужны только для того, чтобы о них не думать. Бери столько, сколько тебе надо, не стесняйся. Это проклятые деньги, и чем быстрее они уйдут, тем лучше. Твое, мое... ерунда какая.

– Ты взрослый человек, тебе тоже нужны деньги на обзаведение в этом мире, ты не обязан нас кормить-поить. Я тоже взрослый, должен обеспечивать свою семью сам, а не рассчитывать на друга, иначе это не по-мужски получается, – нахмурился Федор.

– Ну что ты за упрямый осел! По-мужски, не по-мужски, чего ерунду порешь! – рассердился Андрей. – Говорю тебе: надо денег – бери! Если так тебе будет спокойнее, потом сочтемся. Считай, в долг взял, если тебе так легче. Все, вопрос закрыт, а то мне тебя уже треснуть хочется!

– Эй, вы чего тут ругаетесь? – В комнату заглянула Алена. – Обедать пошли. Только прежде подпалите кровать с барахлом. Я там дровами обложила, бутылки с крепкой водкой рядом поставила – польете, все нормально и сгорит.

– Может, когда будем уезжать, этот дом подпалить? – предложил Андрей. – Пропави пропадом эти деньги, зато никому чумной дом не достанется. А то вселятся люди и подцепят заразу. Кстати, второй раз ею болеют? После того как переболели?

– Нет. Больше не болеют, – отрицательно мотнула головой Алена и нахмурилась. – Все-таки уезжать? Я знала, что так будет... – Она тяжело вздохнула, потом встрепенулась и добавила: – А подпаливать не надо. Я хорошо вымыла, а потом окурю все. Жалко дом. Мы тут так

хорошо жили... – Она взглянула на Федора, и ее глаза затянуло поволокой, как будто она что-то вспомнила. – Ничего, еще лучше дом купим. Правда, мужики?

– Правда, – усмехнулся Андрей. – Федор, тебе не баба, а клад достался. Береги ее! Не будешь беречь – я сам на ней женюсь! Такие бабы на дороге не валяются!

– Но-но! – рассмеялся друг. – Такая самому нужна, особенно с тем, что у нее в животе!

– Ну вот, все выболтал, – покраснела Алена. – Я на третьем месяце уже, Андрей. Федор настоял...

– И правильно настоял! – заверил монах. – Нечего откладывать, надо сейчас жить. А мы постараемся, чтобы твоему будущему ребенку было где жить. Вот переберемся в Балрон, купим дом, хороший дом, лучше этого, и будете в нем жить-поживать, добра наживать.

– Все, хватит болтать, пошли за стол. Федь, сходи подожги эту заразу, а то забудем.

– Вместе ходим, – ответил за друга Андрей. – Вы с Настенкой пока садитесь есть, а мы через пару минут придем, хорошо? А то девчонку уж голодом заморили, ребенку надо хорошо питаться, особенно после болезни.

Алена кивнула и ушла, а мужчины отправились во двор, где стояла деревянная кровать, на которой раньше лежала Алена. На этой кровати стояла вторая кровать – Настина, и на них уже было навалено барахло Федора и Андрея – штаны, куртки, сапоги. Андрей вовремя вспомнил про пояс с деньгами – чуть не отправил его к небесам с черным дымом.

Они обошли кучу, полили ее из больших стеклянных бутылей крепкой водкой, практически спиртом. Потом Федор пощелкал кресалом (Андрей так и не освоил в нужной степени это искусство – зажигать огонь с помощью таких древностей), и вскоре голубое пламя взметнулось вверх, занялись сухие дрова, облизывая языками пламени заразные матрасы, одеяла, уничтожая «черную смерть», ввешуюся во все поры одежды, белья и дерева кроватей.

Мужчины немного постояли у огня, глядя на языки пламени, как будто не в силах оторваться от зрелища, и Федор спросил:

– Ты у нас, конечно, ночуешь? Кроватей нет, но мы постелем на полу – матрасы найдем!

– Нет. Я в гостинице ночую, – слегка смущенно ответил Андрей.

– Чего это в гостинице? Зачем? Деньги тратить! Мы что, чужие тебе? Ты чего, стесняешься? Даже и не думай! Ночуешь тут! Никаких вариантов больше.

– Я обещал, что буду ночевать в гостинице, – усмехнулся Андрей.

– Кому обещал? Чего это ты обещал... Э-э-э... друг мой, неужто свершилось? Монах – и завел себе женщину? Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее! Как ее звать, кто такая, где живет и чем занимается?

– Ну шас прям! – рассмеялся Андрей. – Может, тебе еще рассказать, в каких позах мы занимались любовью?

– И это можно, – невозмутимо парировал Федор. – Вдруг я что-то новое узнаю. Может, у вас там, в параллельном мире, какие-то особые выверты есть, так нам с Аленой, может, они и по ндраву придутся! Она любит все экзотичное.

– Это чего ты там про меня рассказываешь, охальник? – послышался веселый голос Алены. – Только оставишь этих мужиков одних, и тут же начинаются сплетни! Вы в конце-то концов пойдете обедать?! Я сейчас вот вас веником погоню!

– Погонит, погонит, злостная баба! – забеспокоился Федор. – Пошли за стол, там и расскажешь. Слышь, Ален, наш-то Андрей себе женщину тут уже нашел! Вот тебе и Андрей, вот тебе и скромник!

– А что, он мужик видный, почему бы и нет? Он еще как будто и помолодел с тех пор, как мы его видели. Красавчик, да и только! Смерть бабам. Если бы не ты, мой корявый, любимый муж, то... Ну пошли, пошли, щи стынут, а теплые щи – это уже извращение!

Они прошли на кухню, пересмеиваясь и подшучивая друг над другом, и сели за стол. На его краю важно сидела Шанти, которую с рук кормила Настена, громко восхищавшаяся статью

и красотой кошки, отчего та млела и мурлыкала, как настоящая. Исходили ароматным паром тарелки с красным борщом, именуемым здесь то щами, то собственно борщом, стояла бутылка с вином, к которой Федор тут же радостно протянул руки с криком: «Повод есть! Есть повод – друг приехал!»

Они выпили за встречу, шумно заедая горячим борщом. Он был просто огненным, поэтому приходилось дуть на ложку, благо что ложки были деревянными и не обжигали губы.

Несколько минут они насыщались молча, потом Федор приподнял бровь и пожаловался жене:

– А ведь ускользнул от ответа! Что за женщину встретил, где, кто такая, как звать! Ален, а ведь все тихоней прикидывался. Я уж, грешным делом, стал подумывать – может, он не женщин любит...

– Тыфу на тебя! – фыркнул Андрей. – Ну женщина как женщина. Олрой звать. Хозяйка гостиницы. Очень хорошая, приятная... Но вряд ли с ней что-то серьезное получится – зачем ей я, перекаати-поле, злобный, побитый жизнью мужик...

– Не знаешь ты себя, Андрей, – усмехнулась Алена, поглядывая на него исподлобья. – Многие женщины были бы готовы прожить рядом с тобой всю жизнь. В тебе есть стержень, ты не согнешься и не сломаешься. Ты настоящий мужчина, а женщины всегда к таким тянутся.

– Красотка небось, – лукаво подмигнул Федор, – и богатая притом! Может, и не поедем никуда? На кой нам этот хренов Балрон? Когда нам и тут хорошо.

– Мы уже говорили с тобой об этом, – посерьезнел Андрей. – Ты лучше скажи, что это такое? – Он полез в карман и достал завернутый в тряпочку значок, который ему показывала Олра.

– Хм... откуда это у тебя? – настороженно спросил Федор, угрюмо рассматривая значок, на котором были изображены череп со скрещенными костями и сабля. – Это знак полка императорской гвардии, в которой служат только дворяне. Паскудный, я тебе скажу, полк. Как воевать – их нет. А вот на парады да по трактирам – это самое то. Напакостят, напоганят, потом родители их выкупают. Ты-то как с ними столкнулся? Лучше от них держаться подальше – себе дороже.

– А как их можно найти?

– Ну как? В казармах императорского дворца, конечно. Только тебя туда не пустят. Ты в своем репертуаре, да? Опять? Пора фургон готовить? Ну чего ты мне моргаешь? Она все знает. Я же не могу скрывать от своей жены. Мы по жизни вместе, и она имеет право все знать. Настен, поела? Иди, доченька, уложи кошечку поспать. Иди. Мы тут взрослые разговоры разговариваем, тебе неинтересно будет. Иди, моя хорошая.

Взрослые замолчали, а Настена побежала в другую комнату, откуда вскоре послышался ее веселый голосок – она разговаривала с Шанти.

– Что они натворили, сразу говори, – нахмурился Федор. – И к чему нам готовиться?

Андрей вздохнул, пожал плечами и начал свой рассказ. Когда умолк, Алена сидела бледная, прижав ко рту платок, а Федор – туча тучей, постукивая ножом по столешнице.

– Что тебе могу сказать... – сказал он хмуро. – Да, таких тварей надо убивать, однозначно. Но как тебе подступиться к этому делу – не знаю. И тем более, что ведь, уверен, ты хочешь, чтобы она их убила, чтобы отомстила за отца и за себя? А она решится на это? А если решится, как вы с ней будете после этого выстраивать отношения? Ведь она, похоже, думает, что ты что-то вроде солдата, наемника, а не... И не проболтается ли она после этого? И где-то надо будет держать этих уродов после того, как ты их похитишь. И еще: мы рассуждаем, что будет *после* того, как ты их похитишь, но надо еще ведь их найти – и как ты это сделаешь? Прошло... сколько? Ей было двенадцать лет. Сейчас около тридцати. Восемнадцать лет! Им сейчас лет по сорок, если не больше, скорее всего, они уже в чинах, а может, и вышли в отставку – и где ты

их найдешь? Я понимаю, что для тебя нет ничего невозможного, знаю тебя как облупленного, но мне кажется, что это и для тебя уже слишком.

– Есть у меня одна задумка. Дело в том, что я знаю, как выглядел один из них. Тот, кому, собственно, и принадлежал этот знак. У тебя найдется уголек и лист бумаги?

– Хм... сейчас поищем. Ален, найди, пожалуйста, а то я сейчас буду полчаса ползать. Ты вечно уберешь куда-то, найти не могу.

– Да куда я уберу? Всегда в одном и том же месте лежит – ты все запомнить не можешь. Вот, на тумбочке. А уголек сейчас принесу.

Алена вышла, а Федор внимательно посмотрел в лицо Андрею и негромко спросил:

– Зачем тебе это надо? Ну исчадия – ясно. Но эти-то? Они зачем? Прошло столько лет, уже все устаканилось – зачем?

– Федь, не городи ерунды. Представь, что то же самое сделали с Аленой – и что ты бы сделал?

– Честно – не знаю. – Федор задумался. – За мной теперь еще и Настена, и тот, кто сидит в животе Алены. Не знаю... Хм... а ты попался! Ален, он попался! Он сравнивает свою... как ее? Олру с тобой! Похоже, втюрился наш недотрога, попался в ласковые сети. Вот так вот. Сколько ни бегай, а все попадешься. Я, старый карась, думал, так и помру в своем тихом пруду, не оставив наследника, а вот поди ж ты! Судьбу не обманешь... на вот тебе бумагу, на – уголь. Что, рисовать будешь? А ты умеешь?

– Баловался когда-то в детстве. Даже в художественный кружок ходил, – рассеянно отозвался Андрей.

– Куда ходил? – не понял Федор.

– Школа такая... для детей. Где художествам учат. Не мешай, мне сосредоточиться надо.

Андрей взял в руки знак и стал впитывать его ауру. Перед глазами снова встало лицо человека, вначале показавшегося ему взрослым, но теперь он видел, что это парень лет двадцати – двадцати пяти. Двенадцатилетней девчонке он показался старым, конечно, но на самом деле он был вполне молод. Лицо носило следы распутной жизни – красный нос с синими прожилками, нечистое дыхание, желтые зубы, толстые, мокрые губы... Андрей несколькими штрихами набросал лицо, подчеркнув губы, широкие брови, глаза с немного раскосым разрезом...

Через пару минут перед ним лежал готовый портрет, по которому можно было легко узнать этого человека.

– Да ты талант... – с изумлением протянул Федор. – Ты мог бы прославиться как художник! Тебе бы портреты рисовать, а ты железками размахиваешь! Ну и ну...

– Портреты мне удавались всегда, это точно, – усмехнулся Андрей. – Учитель рисования был в восторге. Но жизнь как-то так сложилась – ушел в армию, а там... пошло-поехало. И уже из этой колеи не выскочить.

– Да, знаю по себе, – кивнул друг, – я и то вон еле-еле выскочил... впрочем, не до конца. Как же ты будешь разыскивать этого гада? Есть мысли?

– Есть.

Андрей изложил свой план, а Федор и Алена поохали, дивясь его придумке. Вскоре Андрей засобирался и, уже поднимаясь из-за стола, вдруг спохватился:

– Слушай, такое дело – мне нужно купить набор медицинских инструментов, самый лучший, самый дорогой. Где это сделать? Вряд ли они тут на дороге валяются.

– Что, ты хочешь этих уродов по кусочкам резать? – не понял и нахмурился Федор.

– Надо будет – порежу, – резко возразил Андрей, – и скальпели мне для этого не понадобятся. Мне для другого дела надо. Для лечения.

– Кстати, ты так и не рассказал, что с тобой было после того, как мы расстались! – попенял ему Федор. – Уперлись в твою личную жизнь да негодяев обсуждали. А самое-то интересное

осталось в стороне. Не-е-ет... пока не расскажешь, никуда не уйдешь. Ну-ка, Алена, подопрись дверь! Успеешь к своей красотке – мы дольше ждали. Колись давай – где был, чего делал.

Андрей закрыл глаза и снова сел на место, тяжело вздохнув.

– И не фиг вздыхать! Совесть нужно иметь! Появился через полгода, где был, чего делал – ничего не ясно. Притащился с какой-то кошкой, ничего не рассказывает, и тут же убегать. Нет уж, сиди. Ален, налей-ка нам чаю. А может, еще винца выпьем?

– Хватит тебе винца! – отрезала Алена. – Повода уже нет. Все. А чаю сейчас устрою. Андрюш, ты рассказывай пока, рассказывай – я слушаю.

Рассказ затянулся более чем на час. Андрей описал все, что с ним произошло до того, как он пришел в гостиницу.

– Остальное вы знаете, – закончил он.

Наступило долгое молчание. Потом Федор откашлялся и негромко сказал:

– Если бы мне рассказал кто-то чужой, я бы не поверил. Но ты?! Драконы, чудеса... я просто в шоке. И ты хочешь лечить это существо? В голове не укладывается.

– Ален, я не хочу при Настене, ты не могла бы ее уложить поспать после обеда? – попросил Андрей. – Она ребенок, мало ли где случайно сболтнет – могут быть большие неприятности. Уложишь?

– Сейчас попробую. Если удастся. Впрочем, она уже и сама спит, – сообщила Алена, вернувшись. – С твоей «кошкой» обнялась и спит.

– Шанти, иди сюда. Только не разбуди ребенка, – попросил Андрей.

Драконница тут же появилась в дверях и независимо прошла к столу. Запрыгнула на него и села, поглядывая на людей. На нее упал луч из окна, и глаза «кошки» засверкали, как два изумруда.

– Видите, какая она у меня красотка! – усмехнулся Андрей. – А еще – вредина, злыдня и обжора.

– Сам-то кто? – невозмутимо парировала Шанти. – Как ты вчера лопал – это надо было видеть. Как два дракона, жрал!

– Она говорит, что я не лучше. Шанти, покажи нам свой реальный вид, только реальный не по размерам – стол сломаешь.

Черная кошка на столе замерцала, и через пару секунд на ее месте остался небольшой дракончик, переливающийся в лучах солнца всеми цветами радуги и сияющий, как драгоценный камень. Люди выдохнули от восторга, как будто получили под дых, а Андрей, глядя на сидящих с вытаращенными глазами Федора и Алену, с удовольствием сказал:

– Теперь вы понимаете, почему я попросил увести Настю? Такое забыть нельзя! Эта красотка навсегда западает в душу.

– Вот теперь хорошо говоришь! – хихикнула Шанти. – Говори, говори дальше.

– К этому телу да характер бы попроще, – продолжил Андрей, подмигнув дракончику. – Теперь видишь, Федор, что мне предстоит сделать. Смотри. – Он оттянул перевитые, изломанные крылья Шанти. – Надо сломать кости, выправить их, связать шинами, срастить... а потом ждать, сможет ли она летать. Пока только бегать может, и то плохо. Ленивая, да и засиделась в своей дыре. Все, перекидывайся в кошку.

Шанти замерцала, и через секунду на столе уже сидела обычная черная кошка, с блестящей антрацитовой шерстью, изумрудными глазами и нервно подергивающимся хвостом.

– Вот так вот, друзья. Ну все, нам пора. – Андрей встал и, оглядев себя, с усмешкой сказал: – Придется в лавку заходить. Не буду же я в твоём барахле шастать. Оно мне на пару размеров шире, чем надо.

– Это в талии, – уточнила Алена, – а в плечах вон трещит все. Кое-кто отрастил себе слишком большой живот, ты не находишь? Ничего, скоро будет худым и стройным, как и ты.

– С тобой станешь! – проворчал Федор. – Поднимает с утра – то дай, это дай, то сделай, это сделай, и выпить не дает!

– Бунт? Будем пресекать! Сегодня ляжешь на кухне! – засмеялась Алена.

– Чего сразу на кухне-то? Чего сразу репрессии? – забеспокоился Федор. – Айда, Андрюх, провожу тебя. Заодно расскажу, где инструменты продают. Я видал там, когда моим за лекарствами ходил. Это лавка лекаря-травника – как выйдешь, сразу направо, потом...

Андрей толкнул дверь, зазвеневшую колокольчиком, тут же за стойкой образовался невысокий старичок с белой окладистой бородой. Что-то вроде сказочного звездочета, каким его рисуют на картинках.

Андрей усмехнулся про себя: длинная борода, седины – неперменный атрибут местного лекаря, как он уже понял. Ну кто пойдет лечиться к юнцу, не разбирающемуся в жизни по причине малого жизненного опыта. А раз не разбирается в жизни, как он может разбираться в болячках?

– Приветствую вас! Что хотели бы купить? Есть возбуждающие мушки – для всех возрастов. Выпить настой на растолченных мушках, и будете заниматься любовью всю ночь напролет. Или вот – корень дерева эффог, привезли из-за моря. Натереть его немного вашей даме в вино – она не отойдет от вас целый день и всю ночь! Очень, очень хвалили кавалеры!

– Хм... я как-то и без мушек справляюсь, и корнем мою даму не надо тыкать, чтобы она от меня не отходила, – рассмеялся Андрей.

– Да, скорее всего, справляетесь... – задумчиво протянул старичок, окинув взглядом поджарую фигуру с широкими плечами и мужественное лицо посетителя. – И дама ваша, скорее всего, и так от вас не отходит... Эх, где мои двадцать лет? Ну так что вас привело ко мне, молодой человек? Порошок от изжоги? От поноса? Может, наговоренный амулет для привлечения женщин? Ах, ну да, ну да... забыл.

– Мне нужен набор хирургических инструментов, – попробовал вклиниться в рекламу медицинских препаратов Андрей, опасаясь, что старик сейчас продолжит перечисление средств от поноса и он застрянет в этой лавке надолго.

– Интересно, очень интересно. – Старик приставил к глазу монокль и вперился в лицо пришельца. – И с какой же целью вы хотите приобрести этот набор, я могу узнать?

– Нет, не можете, – отрезал Андрей, не без оснований подозревая, что сейчас начнутся долгие и нудные расспросы. – Если у вас есть такой, я куплю. Если нет – уйду и поищу в другом месте.

– Не сердитесь, простите уж старика. Мне скучно, сижу тут один – приходит симпатичный молодой человек, и мне хочется поговорить. Есть такой набор, да. Но он очень, очень дорогой. У вас хватит на него денег? Вы уж простите меня, но он правда качественный, из лучшей стали, из которой делают булатные сабли, и он на самом деле дорогой. Их мало покупают, а я как-то по случаю прикупил и теперь не могу его продать. Покупают все больше дешевые, легко тупящиеся. А наши лекари – народ жадный, глупый, им бы все подешевле да понекачественнее. Да-да, не хмурьтесь, уже несу!

Старик достал с полки небольшой ящичек, инкрустированный серебром и костью, положил его на прилавок и раскрыл. В ящичке размером сорок на шестьдесят сантиметров лежали хирургические инструменты, каждый в своем гнезде, прижатые специальными захватами.

– Видите, как сделано? Даже если уроните, они не сорвутся с места и не поцарапают друг друга! Не затупятся и не выпадут из ящичка! А ящик можно переносить за ручку – вот тут. – Аптекарь показал приделанную сбоку кожаную ручку. – А сталь какая! Смотрите, какой скальпель – да он прорежет все что угодно и даже не затупится! Их и точить не надо, они сами затачиваются. Говорят, – он понизил голос, – здесь применена какая-то магия! Разве могут быть ножи и скальпели такими острыми? А вот зажимы, расширители, ножницы – и

все посеребренные, все острые, все высшего сорта! Сто пятьдесят золотых. Меньше – нет. Простите. Если честно, я этот набор за сто пятьдесят и взял, клянусь. Он завис у меня, клиентов не нашлось. Может, плохо искал... но вот так. Дешевле не будет. И кстати сказать, это дешево! Понимающий лекарь отдал бы и тысячу за него. Вот только нет понимающих. Одни болваны пошли. Только денег взять, а работать не хотят. На днях один знакомый жаловался: лечили от простуды, горло болело. Он косточкой рыбной подавился, и она у него в горле застряла! Ну это ли не идиоты? Достал ему кость, что поделаешь. Вы скажите лучше – для кого набор хотите взять? Если собираетесь делать кому-то операцию, и, как я понимаю, тайно, так, может, я чем-то помогу? Много не возьму – двадцать золотых добавите, и все. Зато я качественно сделаю.

«Нет уж! – подумал Андрей. – Потом вся округа будет знать, что и как делалось. Сам сделаю».

Через каких-то двадцать минут Андрей выходил из лавки, став беднее на сто сорок золотых (он все-таки сбил десятку – старик точно врал про сто пятьдесят, у Андрея чутье на вранье развилось просто феноменальное). Кроме инструментов он купил хирургических ниток, спирта в бутылке (настоящий спирт, горит без запаха и копоти – проверил). В общем, к операции он был готов. Теперь нужно было навестить еще кое-кого.

– Я же сказал, что ты вернешься! – Обезьянья физиономия Симона выражала полное удовлетворение жизнью. – И что теперь? Надеюсь, не с претензиями, что твои друзья съехали? Нет? Ну и хорошо. Значит, ты принес мне еще денег. Ведь ты же не поздравить пришел старого доброго Симона? С подарками и приветственными одами? Нет? Вас хрен дожدهшься, что бы вы просто так чего-нибудь дали. Заходи, не торчи тут как столб!

Пройдоха повернулся, запахнув цветастый шелковый халат, и пошел в гостиную, где уселся в кресло перед камином. Хотя столица и находилась южнее, чем Нарск, но осень и тут уже вступала в свои права, медленно, но верно, поэтому на улице было прохладно и ветрено.

Потрескивали дрова, перед Симоном на столе стояла кружка, от которой исходил аромат горячего вина и специй, и в гостиной было тепло и уютно. Мужчина взял в руки кружку, невозмутимо отхлебнул из нее и ворчливо сказал:

– Ну так есть у тебя дело или нет? Мне некогда с тобой рассиживаться!

– Мне надо найти человека...

– Вот как? Неужели? А я думал – дракона!

– Почему дракона? – Андрей чуть не вздрогнул, насторожился и наклонился вперед, глядя хозяину дома в лицо.

– Да это выражение такое, – пожал плечами Симон. – Найти дракона – значит, найти то, чего нет на свете.

«Вот мерзкая тварь! Я бы ему показала, кого нет на свете! – возмутилась Шанти. – Это такой дряни, как он, я думала, нет на свете. Такой пакости, как этот мерзкий человечиска, даже на помойке не найдешь! Крысы и те краше!»

– Кстати, – продолжил посредник, – кошка твоя очень даже симпатичная – не хочешь продать? Я хорошо заплачу.

– Ты любишь кошек? – вскинул бровь Андрей и подумал о том, что ничего удивительного нет – Гитлер же любил собак, но это не мешало ему планировать уничтожение целых народов.

– Нет. Мне лекарь прописал кошачьим жиром натирать ноги. Болят в непогоду, кости ломит. Только надо, чтобы кошка, когда из нее вытапливают жир, была свежей, только что забитой. А лучше – живой. Чего ты так на меня смотришь? Ну не хочешь – не продавай. Я найму людей, мне бродячих наловят. Твоя жирненькая, ухоженная, много жиру бы получилось, и качественного.

«Нет, ну правда – откуда такие твари берутся? – ошеломленно подумал Андрей. – А если бы ему прописали человеческим жиром натирать? Страшно и подумать...»

«И ты теперь скажешь, что ваш человеческий род добрый и хороший? – угрюмо спросила Шанти. – Давай ему башку оторвем, а? Ну зачем эта тварь живет?!»

– Вот, – Андрей положил перед Симоном написанный углем портрет, – этого человека мне надо найти.

– Род деятельности? Где предположительно может находиться? Как давно там был последний раз? Сколько лет? Сословие? Давай всю информацию, что есть. – Симон насторожился, как охотничий пес, и его умные маленькие глазки зашарили по портрету.

– Гвардеец императора. Был таковым восемнадцать – двадцать лет назад. Сейчас ему лет за сорок или около сорока. Все, больше ничего не знаю. Нужно его имя, где он сейчас находится, где живет, где бывает, его друзья и родственники – вся информация, которую можно получить. Сможешь?

– Смогу, конечно, – усмехнулся Симон. – Двести золотых.

– Обалдел? В прошлый раз ты взял всего три!

– В прошлый раз ты искал обычных людей. Которые на хрен кому сдались. Я что, не видел этого? Сейчас ты ищешь одного из элиты этой страны, дворянина. И ищешь не с целью пожать ему руку – или я не Симон. К этому делу нужно подходить осторожно – обставить все так, чтобы он не заподозрил о слежке, чтобы не перекрылся. Для этого нужны люди высшей квалификации, а они стоят денег. В общем, за меньшую сумму я не возьмусь.

– Сроки?

– Неделя, не меньше. Через неделю можешь зайти и узнать, как продвигаются дела. Деньги с собой?

Андрей кивнул, со вздохом вытряс из пояса последние золотые и отсчитал нужную сумму. Симон аккуратно пересчитал монетки, выдвинул ящик стола и небрежно скинул стопку вниз.

– Все. Можешь идти отдыхать. Заказ будет выполнен.

Андрей встал, пошел к выходу, но на пороге оглянулся и посмотрел в глаза хозяину дома длинным, тягучим взглядом.

– Надеюсь, не надо говорить, что никто не должен знать о том, что я ищу этого человека или когда-нибудь искал?

– Ну я же не идиот, – усмехнулся человек. – Или ты меня убьешь за длинный язык, или они убьют. Нет уж, я намерен пожить подольше. Чтобы воспользоваться заработанными деньгами. Я не выдаю заказчиков, и все это знают. Можешь не сомневаться. У-у-у... какая жирненькая кошечка... а-а-а! Гадина! Вынеси эту тварь! Через неделю жду!

Симон захлопнул дверь, ухватившись за окровавленный палец, а Андрей, негромко похатывая, пошел вниз по ступенькам крыльца.

– Молодец, подруга, наказала подлеца! – закончив хохотать, похвалил он драконицу.

– А пусть свои поганые пальцы ко мне не тянет! – ответила довольная Шанти, тоже хихикая и щеря белые кошачьи зубы. – Ну что, пошли к твоей подружке? Что-то печенки захотелось. Ты ей скажи – пусть печенку выбирает посвежее! Вчера не совсем свежая попалась, не очень сочная была.

– А ты дала мне как следует поблагодарить ее за печенку? Вот будешь мне мешать – тебе вообще тухлую будут давать! Что заслужишь своим поведением, то и получишь. Кто вчера хулиганил, носился по коридору и скребся в нашу дверь? И в самый интересный момент! Ведь неспроста, зараза, ты этот момент выбрала! Ты что, можешь подслушивать мысли?

– Ну так, чуточку, – ухмыльнулась Шанти. – Да вы так там шумели, и без подслушивания было все слышно! И вообще, мне было скучно, хотелось компании. Вы только о себе думаете, а я скучаю в одиночестве!

– Ну и посидела в запертой комнате одна. Вот зачем ты там обои ободрала? Вот как мне теперь отчитываться перед Олрой?

– Да ладно... залезешь на нее пару раз, вот и отчитался. Делов-то... Должна же я была показать тебе, что ты не прав?

– Вот ты маленькая гадина! – фыркнул Андрей. – Ладно, пошли печенку жрать, проглотка. Сейчас только извозчика поймаю – отсюда тащиться все ноги собьешь...

Глава 3

Новые сапоги немного жали или скорее пока не размялись как следует. Андрею пришлось заехать в лавку башмачника, очень обрадовавшегося посещению своего случайного знакомого. Он и действительно сделал приличную скидку, и Андрей ушел довольный – и обхождением, и скидкой, и сапогами. Денег у него оставалось кот наплакал, так что любая скидка не помешает. Впрочем, теоретически-то денег было полно, но за ними надо ехать к Федору, а сегодня это делать не хотелось – пусть побудут одни, помилуются, ведь друг уже решил, что простился с близкими навсегда, а тут такая радость. Пусть уж отметят как следует... в постели. Да и Андрея, хоть он не признавался себе, тянуло к Олре, соскучился за те часы, что не был с ней рядом. Женщина очень нравилась ему, если не сказать больше – может, и правда влюбился? Эта мысль привела его в смешливое настроение, как какого-то мальчишку, и монах засвистел непонятную мелодию, слышанную им еще на Земле.

– Ты чего это? – подозрительно осведомилась Шанти, глядя ему в глаза круглыми «изумрудами». – Что за звуки? Это так ты показываешь своей самке, что готов к совокуплению? Интересный обычай. Только глупый. Если бы драконы ревели, подлетая к своей самке, она бы посчитала самца идиотом и отказала ему в оплодотворении яйца. Зачем ей потомство от идиота?

– Ничего ты не понимаешь, – оторвался от художественного свиста Андрей. – Это музыка, дурила!

– Если это музыка, тогда я лошадь, – уничижительно буркнула Шанти. – И вообще, чем ерундой заниматься, ты бы лучше научился говорить со мной мысленно, а не болтать во всеуслышание. Тогда бы я, может, и поверила, что хоть капля мозгов у тебя есть. Закинуть несчастного дракона в мусорный бачок и совершеннейший дебил может, а вот ты попробуй мыслеречи научиться! Тут голова нужна.

– А что для этого надо? Так-то я тебя слышу, значит, и ты меня должна слышать? Может, это как раз тебе надо научиться меня слышать?

– Дело в том, что, пока ты не будешь выстраивать слова и образы в стройные структуры, до тех пор я буду получать вместо слов мешанину из образов и понятий. Наведи порядок в своей голове и научись говорить без слов. Когда произносишь слова, ты волей-неволей выстраиваешь их в стройную структуру, и тогда я тебя слышу и ушами, и в мыслеречи. Понял? Начни с того, что вроде как произносишь слова вслух, шепчешь тихо-тихо и обращаешь речь ко мне. А потом, как привыкнешь, и это перестанешь делать, будешь говорить, не открывая рта.

– Хм... понял. Буду тренироваться. Скажи, а почему другие не слышат твоих слов?

– Во-первых, я ставлю блок, чтобы они не слышали. А во-вторых, ты что думаешь, все люди способны к мыслеречи? Кроме того, ты не совсем человек или даже совсем не человек. От человека у тебя только глупое, человеческое понимание некоторых вещей, а тело у тебя нечеловеческое. Не забывай об этом. Кстати, ты когда займешься моими крыльями?

– Скоро. Выберу момент и займусь. Инструменты есть, все, что нужно для операции, есть – теперь только найти помещение и время. Не хочется на глазах той же Олры что-то с тобой делать. Не хочу раскрывать твою тайну. Ведь и драконам не нужно, чтобы информация распространилась? То-то же. Вот что, мне нужно зайти в платяную лавку и спустить последние деньги, так что потерпи немного. Ну, не в этой же одежде к Олре идти – эдак она тебя вкусной печенки лишит, а меня довольствия. Странно так – не я угощаю женщину, а она меня!

– А что странного? У нас драконица самцу подарок приносит, быка, – он поест как следует и ее хорошенько потопчет. А без еды какая сила? Что же тут такого? Хочет, чтобы ты ее потоптал как следует, пусть корм хороший дает.

– Хм... что-то в этом есть, – хохотнул Андрей. – Ты всегда отличалась практичным подходом к делу. Вот и лавка – по виду приличная. Все, разговариваем только мыслеречью.

– Попробуем, – хмыкнула Шанти. – Ты думаешь, это так просто?

Через час одетый с иголки и даже вполне прилично, Андрей вышел из лавки, помахивая чемоданчиком. Денег оставалось только на хороший ужин да два раза проехать на извозчике. Сегодня он ухнул столько, сколько не зарабатывает крестьянин, наверное, за всю свою жизнь.

«Да, столица и вправду любит деньги», – подумал он и подозвал извозчика, с шиком подскочившего к богатому клиенту, сияя улыбкой на широком усатом лице. Сияние его быстро потускнело, когда он, заломив за извоз шесть серебреников, услышал от клиента безапелляционное: «Два, и не больше». Но это была справедливая плата, и, пожав плечами, он повез Андрея к гостинице. Она, кстати, называлась «Синяя кровать». Почему так называли, кто назвал – никто не знал, даже Олра. Гостиницу купил ее отец, и очень давно. И вывеска была та же, только подновлялась каждый год после зимы. Клиенты сюда всегда шли, так зачем что-то менять? Ну синяя и синяя... какая разница, в самом деле?

– Привет, дорогой! – Олра чмокнула его в щеку, потом отстранилась и восхищенно сказала: – О-о-о! Красавец! А куда прежнюю одежду дел? Бросил? Нашел все-таки своих друзей? Молодец. Не остался у них? Еще больше молодец.

– Я же обещал тебе прийти, – улыбнулся Андрей. – Только я без денег теперь, все потратил. Завтра возьму – мои деньги у друзей остались. Как, не прогонишь?

– Ну что ты ерунду говоришь? И вообще, я приказала перенести твои вещи ко мне в комнату. Ты уж прости, но как-то глупо комнату держать занятой, когда ты там не живешь. Пусть лучше там клиенты спят. Кстати, какая безобразница там обои подрала? А кого веником? Ладно, не шипи – хрен с ними, с обоями. Шкафом задвинем. Ужинать будете? Да чего я спрашиваю-то... Мадра, быстренько нам сооруди чего-нибудь дельное! Супу давай – мужчине без супа нельзя, желудок болеть будет. И пирожков с мясом к супу – у нас сегодня знатные удались, мясо хорошее привезли. Я тоже с вами поем – весь день сегодня бегаю. А чего это у тебя за ящик такой? Или это секрет? – Олра скосила любопытные глаза на ящик с медицинскими инструментами.

Андрей задумался в поисках ответа, потом нашелся:

– Ты же говорила, что лекарем выгодно работать, вот я и прикупил инструменты. Вдруг пригодятся.

– Ох, темнишь что-то, – усмехнулась Олра. – Ты на лекаря похож, как я на призового бойца.

– Не веришь? – покачал головой Андрей. – Вот, гляди.

Он положил ящик на стол и открыл крышку. Олра с любопытством взглянула на содержимое и удивленно раскрыла глаза.

– И вправду инструменты. Ты что, на самом деле решил лекарем заделаться? Хм... а что, – оценивающе прикинула она, – ты бы имел успех у знатных дам. Такой красавчик ошупывает, вставляет инструмент...

– Тьфу, перестань! – рассмеялся Андрей. – Не хочу я ошупывать знатных дам и вставлять в них инструмент. Ешь давай, вы с моей кошкой обе злостные вредины.

Они еще минут сорок ели, болтали ни о чем, смеялись, и Андрей поймал себя на том, что испытывает огромное удовольствие – как будто находился дома, некуда было спешить, нечего бояться и он сидит со старым другом, с которым не надо выбирать выражения и думать, обидят его сказанные слова или нет.

Андрей не сразу заметил, как глаза Олры внезапно расширились. Он с досадой подумал о том, что стал расслабляться, а это неверно. Вот, кстати, сейчас он вопреки своим правилам сидит спиной к входу. Так можно и жизнь потерять.

Оглянувшись, Андрей увидел крепкого мужчину с саблей на поясе, в сопровождении трех товарищей, шумно приветствующих бармена и подавальщиц. Человек передвигался ловко и стремительно, как танцор, и было видно, что его тело великолепно тренировано и подчиняется своему хозяину до последней клеточки сильного организма. Это был настоящий боец – как и Андрей. Бойцы сразу видят, кто есть кто, им не надо спрашивать, какие дипломы и регалии имеет противник. Регалии – тлен. Настоящий бой – вот что показывает, стоит ли боец своих регалий.

Мужчине было лет тридцать, довольно хорош собой, худощавый, высокий – выше Андрея, тонкая талия и длинные руки. Его спутники были похожи на него как братья – а может, это и были братья? Но скорее всего, нет. Андрей определил для себя род занятий этого человека как бретер, телохранитель или... наемный убийца. Впрочем, частенько эти профессии сливались в одну, уж это-то он знал великолепно.

Андрей снова сел прямо и спокойно продолжал есть и пить, как будто ничего не замечал. Олра, сделав над собой заметное усилие и искусственно улыбаясь, вернулась к прерванному разговору, расспрашивая Андрея, в каких лавках он сегодня был и как нашел друзей. Послышались легкие, упругие шаги, и к их столику подошел тот самый мужчина. Он с улыбкой посмотрел на Олру, не обращая внимания на Андрея, и только собрался что-то сказать, как она порывисто встала и резко, напряженным голосом произнесла:

– Халид, пойдем поговорим. Извини, Андрей, я сейчас.

Она отошла в дальний угол комнаты и присела на край свободного стола, опираясь на него обеими руками и повернувшись лицом к залу. Мужчина лениво последовал за ней. Осклабившись и криво усмехаясь, снисходительно поглядывая на женщину, встал рядом, выставив левую ногу чуть вперед. Андрей хорошо слышал даже шорохи мыши, копошащейся под половицей, а уж разговор, который вели всего в десяти метрах от него, тайной и вовсе не являлся.

– Ты мерзавец! Сбежал, да еще и прихватил пятьсот золотых! Скотина!

– Ну я отработал их, разве нет? – Голос мужчины был усмешливым и ироничным. – Я старался той ночью. Ну прости, милая. Не последние же у тебя это деньги! А мне они были очень нужны. Очень. Ты просто спасла меня – я проигрался в пух и прах, пришлось даже бежать. Но теперь я вернулся, и все пойдет по-прежнему. Я же тебя люблю!

– Пошел ты на хрен, Халид!

– Ты забылась, женщина! Я могу тебя поучить и по-другому! Забыла, каков мой ремешок?

– Скотина! Я тебя тогда простила, а зря. Тварь ты. Пошел вон отсюда и больше не приходи. У меня есть мужчина, и он не чета тебе.

– Это вон тот сморчок, что ли? Да мне его только положить на ладонь и прихлопнуть, мокрое место останется. И чем же он занимается, твой мужчина? Нищеврод небось какой-нибудь. Ты вечно привечаешь нищевродов.

– Это точно, один из них передо мной. А он – лекарь, и богатый. Ему мои деньги не нужны, в отличие от тебя, живущего за счет баб! Ты не мужчина, ты сама баба!

Послышался звук пощечины, и голова Олры мотнулась, а на ее щеке остался отпечаток ладони.

Андрей вытер руки о полотенце, встал и решительно зашагал к собеседникам. Подойдя к мужчине, стоящему к нему спиной, Андрей взял его за плечо, развернул и нанес оглушительный удар открытой ладонью – пощечина за пощечину.

Халид едва не упал – удар «лодочкой» может сбить с ног обычного, неподготовленного человека, но этот был крепок. Он ошеломленно посмотрел на Андрея и потянул из ножен саблю. Андрей изготовился к бою, но Халид остановился, глядя на что-то за его плечом, и, оглянувшись, Андрей увидел вышибалу с армейским арбалетом в руках, направленным на дебошира.

– Еще движение, и ты труп. Олра, отойди от него. И ты, Андрей. Я всегда говорил тебе, хозяйка, ни к чему связываться с подонками. Халид, пошел вон!

– Ну что же, – усмехнулся бретер, – вы считаете, что бессмертны и что арбалеты имеются только у вас? Что, лекаришка, у тебя хватает смелости раздавать пощечины лишь под прикрытием арбалетчика? А на дуэль выйти слабо?

– В любой момент, – пожал плечами Андрей. – Хоть сейчас. Только не здесь, конечно. И сабли у меня нет.

– Саблю я тебе дам. Жду тебя через полчаса на пустыре к югу от трактира. Там очень удобное местечко, и нам никто не помешает. А если не придешь, я спалю эту поганую дыру вместе с сукой хозяйкой. Клянусь. Пошли, друзья! – Он махнул рукой своим товарищам, с интересом наблюдавшим за происходящим, и крупными, легкими шагами, как будто шагал большой, сильный зверь, вышел из трактира.

Олра устало опустила на ближайший стул и уронила руки на колени. Потом посмотрела на Андрея и опустошенно сказала:

– Зря ты вмешался. Только масла в огонь подлил. Он теперь точно не отвяжется.

– Кто он вообще такой? – Андрей сел рядом, взял ее руку в свою. – Чего ты так всполошилась? Ну дерьмец какой-то, знавал я таких... наглец, живущий за счет баб. И я вот такой же – ем за твой счет. И сплю в твоей комнате. Чего ты так перепугалась-то?

– Да ну тебя, – улыбнулась Олра, – сравнил тоже, себя и его. Ты добрый, с кошечкой ходишь, а он... он опасен. Очень опасен. Спроси вон его, – она кивнула на вышибалу, – кто такой Халид.

– Кто? – подхватил Никат. – Тварь та еще. Когда он исчез, все вздохнули спокойно. И чего ты, хозяйка, терпела его столько времени? Давно надо было гнать дармоеда! Только и делал, что задирает гостей да исчезал по своим темным делишкам. Мы из-за него нескольких постоянных клиентов потеряли. Понимаешь, он кто-то вроде наемного убийцы. Дуэлянт. Он на дуэли убил людей больше, чем у меня пальцев на руках и ногах! Его давно замочить надо было, только никто не осмеливается. Халид связан с какими-то боссами преступного мира в этом городе и выполняет их заказы. Вот как с ним связалась хозяйка, при ее чутье на людей, при ее жизненном опыте и характере – до сих пор для меня загадка. Это только она может пояснить. Ладно, я ушел работать, вы тут сами разберетесь. Да, Андрей, опасайся его левой руки – он обоеручный боец и скрытый левша. Саблю я тебе дам – сейчас принесу из своей комнаты. Его надо завалить, и я надеюсь, что у тебя это получится. Потому что иначе нам тут солоно придется. Учти это.

Вышибала, тяжело проминая пол, зашагал в сторону служебных помещений, а Олра грустно усмехнулась:

– Все верно Никат сказал. Как я с ним связалась, с Халидом? Сама не знаю. То, что он хороший, неумолимый любовник, меня не оправдывает. Как затмение какое-то нашло. И ведь знаю – человек-то дерьмо, а тянет к нему, и все! Может, околдовал?

– Там, откуда я родом, есть такая пословица: «Любовь зла – полюбишь и козла», – улыбнулся Андрей. – Надеюсь, теперь-то ты от этой любви излечилась?

– Напрочь. И стоило лекарство всего пятьсот золотых. Согласись, не такая уж высокая цена за излечение от такой дурной болезни? Слушай, Андрей, не ходил бы ты на дуэль, а? Как бы хуже не вышло. Я знаю, как выйти на главного бандита в нашем районе, – мы платим ему мзду за то, чтобы нас не трогали. Он с ним поговорит, Халид отстанет. Ну обойдется мне в какие-то деньги, они есть, эти деньги. Может, так сделать поумнее будет?

– Даже и не знаю, что тебе сказать, – хмыкнул монах. – А если не отстанет? Если будет преследовать? Тем более что от меня он, скорее всего, не отвяжется – может и на моих друзей выйти. Нет, его валить надо – правильно Никат сказал.

– А сможешь? – с сомнением и тревогой спросила Олра. – Он ведь и правда один из лучших бойцов этого города. Я страшно боюсь за тебя. Если он тебя убьет... мне будет очень, очень плохо. И не потому, что Халид вернется – с ним я как-нибудь справлюсь, – а потому, что тебя не будет. Похоже, что я влюбилась на старости лет.

– Ну до старости тебе еще очень далеко, – усмехнулся Андрей, – а что касается «убьет»... Я его убью. Стопроцентно.

– Надеюсь, – прошептала Олра, но Андрей ее уже не слушал – он внимательно смотрел в зал.

Двое из тех, кто был с Халидом, вернулись, сели неподалеку от стойки за столик и внимательно следили за тем, что происходит в зале, нарочито расслабленно попивая из кружек пиво. На улице – Андрей был уверен – стояла еще парочка таких же типов. В общем, обложили. Он поморщился – не вовремя, ох как не вовремя! Ему бы посидеть тихо неделю, ну а потом... потом уже можно и пошуметь – перед отъездом.

У него кольнуло сердце: «А как же Олра? Оставить ее тут? Она же никуда не поедет... и как же наши отношения? – И отругал себя: – Какие отношения? Всего чуть больше суток знакомы! Уеду – она найдет себе другого мужика, и все. А может, не найдет? Каждому мужику хочется думать, что он особенный, не такой, как все, что женщина будет целыми днями убиваться по нему и плакать в подушку, вспоминая его нежные, сильные руки... тьфу! Просто сериал какой-то... А что не сериал? А то, что надо жить моментом, принимать все таким, какое оно есть. И не задумываться о том, что будет дальше. Иначе жить невозможно, если всего бояться».

Андрей улыбнулся своим мыслям и взглянул на подошедшего к нему вышибалу. Тот держал в руке сверток из тонкой холстины. Положил его на стол, развернул – в нем оказалась сабля в ножнах. Никат аккуратно выдвинул узорчатое лезвие из ножен и, глядя на Андрея, сказал:

– Проверять пальцем остроту не советую – распорешь до кости. Это очень хорошая, булатная сталь. Потом вернешь саблю – она призовая, и я не намерен раздавать такое оружие направо и налево.

– А если не смогу вернуть? – усмехнулся Андрей. – Вдруг убьют?

– Не убьют. Или я ничего не понимаю в людях. Только готовься – он один не ходит, и никто из них не собирается соблюдать дуэльный кодекс. Впрочем, а кто его вообще соблюдает? Если никто не видит, могут устроить любую пакость. Может, в других странах и не так, но это – Славия. Тут ухо остро держи. Смотри, чтобы в кустах никто не засел. Я бы с тобой за секунданта пошел, но рабочее место боюсь оставить – мало ли что тут без меня начудят. Тем более что вон они, придурки, сидят...

– Иди с ним! Иди, продержимся без тебя! Вдруг и правда там что-то нечестное будет? – встрепелась Олра. – Арбалет возьми на всякий случай!

– Нет. Я один пойду, – твердо заявил Андрей. – Все будет нормально, не беспокойтесь. Я прошу, отнесите ящик в комнату, хорошо?

– Хорошо... – вздохнула Олра. – Ты уверен, что один справишься?

– Совершенно уверен. А сабля хороша! – Андрей погладил ножны, взял их в левую руку и плавным движением выхватил клинок. Он был отлично уравновешен, переливался морозными узорами и был как раз по длине его руки – не больше и не меньше. Он вложил саблю, завернул ножны в полотно и сунул под мышку.

– Пошел я.

– Кошку с собой берешь?

– Конечно, – улыбнулся Андрей. – Она потом меня обдерет, если лишится такого зрелища!

Олга неуверенно улыбнулась в ответ и проводила любовника взглядом. На душе у нее было отвратительно, и ужасно хотелось напиться вина так, чтобы забыть все и вся. Ну, может быть, кроме этого мужчины с холодным взглядом убийцы... таким теплым и нежным, когда он смотрит на нее.

Шанти вскочила Андрею на плечо, когда он проходил мимо столика, где она сидела.

Андрей с сожалением посмотрел на недоеденное и недопитое, вздохнул и решил, что закончит позже. Не откажет же ему подруга в парочке пирогов на сон грядущий? Впрочем, с полным животом заниматься физическими упражнениями не очень-то комфортно... это касается, кстати, и дуэли.

Он вышел из трактира, определился с направлением и бодро зашагал по улице в сторону пустыря. Он сразу засек за собой «хвост» – двое стояли через дорогу и всем своим видом изображали полное отсутствие интереса к своему объекту, а двое вышли из трактира следом за ним. Андрей усмехнулся – дилетанты чертовы. Им не следить за кем-то, а гусей пасти.

Пустырь открылся внезапно, когда улица круто завернула за угол какого-то дома, смахивающего то ли на склад, то ли на заброшенный завод. Пустырь прилегал к городской стене – пыльный, утоптаный множеством ног, он, по-видимому, постоянно использовался для дуэлей.

Андрей огляделся, и ему показалось, что в окне на втором этаже заброшенного здания что-то мелькнуло. Он подумал и мысленно, стараясь точно передать все слова, обратился к Шанти:

– Не хочешь позабавиться? Похоже, на втором этаже сидит стрелок. Полная свобода действий – хоть голову ему оторви.

– Ловлю на слове! – ухмыльнулась кошка и с опозданием спохватилась: – Ты все-таки научился говорить мысленно?! Хм... беру назад свои слова насчет полного отсутствия у тебя мозгов. Побежала!

Шанти соскочила с его плеча и, задрав хвост трубой, дала стрелкача – прямо в темный дверной проем, а Андрей проследовал к центру площадки, где его уже дожидался Халид.

Убийца стоял со скучающей миной – видно было, что ему это не в первый раз и он полностью уверен в своем успехе.

– А я думал ты не придешь, – с усмешкой сказал он. – Скажи, а ведь хороша она в постели, да? Я ее многим штучкам научил. Так что можешь мне сказать спасибо, что перед смертью пришлось попробовать такую бабу. Надеюсь, ты хорошо ее для меня разогрел? Не давал скушать? Как только я закончу с тобой – пойду и как следует ее отдеру, вспоминая, как перерезал тебе глотку. Мне будет вдвойне приятно!

Андрей невозмутимо посмотрел на словоблудничающего бретера и спокойно спросил:

– Скажи, как она могла запасть на такого пустозвона и придурка, как ты? Вот не понимаю, и все тут. Открой мне тайну, я ведь никому не расскажу – ты же меня все равно убьешь.

– Убью. Почему запала? Пара капель специальной разжигающей страсть жидкости, пара сладких слов, сильный амулетик, вызывающий тягу к партнеру, вот тебе и результат. Что касается придурка и пустозвона – за это ты ответишь. Я хотел убить тебя быстро, а теперь в спору тебе брюхо и задущу тебя твоими же кишками.

– Это уж как получится, – меланхолично хмыкнул Андрей и достал саблю, аккуратно положив в сторонку ножны и холстину, в которую они были завернуты. – Ну что, начнем? Или ты так и будешь, как ребенок, хвастаться своими пакостями? Сдается мне, что ты зажил на белом свете. Тебе не кажется? Нет, вижу – не кажется, – сказал Андрей, отбивая яростный выпад Халида.

Андрей бился с саблей в правой руке и кинжалом в левой. Поодаль стояли люди Халида – то ли подчиненные, то ли друзья. Их было четверо, а сколько пряталось в здании – неизвестно. Андрей не собирался затягивать поединок, ему нужно было скорее прикончить подонка и идти

по своим делам – пироги недоедены, а этот идиот тут железкой машет. Посему он начал ускорять темп.

Вначале Халид ничего не понял – он решил, что встретил лоха, которому быстренько отрубит башку и после этого пойдет и возьмет его женщину. Однако «лох» почему-то не желал дать отрубить себе башку, и более того, ни один хитрый удар Халида не достиг цели. Этот незнакомец со скучающе-спокойным выражением лица отбивал все самые каверзные и быстрые финты. А ведь Халид был признанным мастером клинка.

Он начал ускорять темп, доходя уже до предела возможности, но этот человек ускорился сам, и так, что стал теснить Халида, загоняя к городской стене.

Халид не дожил бы до таких лет, занимаясь грязными делишками, если бы не умел предусмотреть самые фантастичные и странные варианты развития событий. На всякий случай он поставил в здании напротив двух стрелков с арбалетами, они должны были выпустить болты по его команде, если что-то пойдет не так.

Отступив на шаг, Халид подал условный сигнал, взмахнув саблей вверх и вправо, как будто отдавал салют. Через секунду после этого из окна второго этажа вылетели два круглых предмета, в которых убийца без труда опознал головы своих помощников. Они покатались по площадке почти к его ногам, и Халид, став белее мела, на мгновение замер.

Андрей не видел, что происходило за его спиной, но догадывался. Не беспокоясь о тылах, сделал несколько финтов, выпадов, затем ускорился в несколько раз и косым ударом через ключицу разрубил бретера до самого сердца, ударив с потягом, как когда-то его предки-казаки.

Он сделал шаг в сторону, почуяв шевеление за спиной, и вовремя: в том месте, где он стоял, свистнули две сабли – помощники Халида вступили в бой, и за ними спешили еще двое.

Молниеносный отбив, укол – сабля вышла из шеи одного... движение в сторону, подсек, сверху добил – из черепа брызнула кровь, и второй ничком упал, заливая площадку пенящейся в пыли кровью.

Двое других дико закричали, и Андрей увидел громадную черную кошку, настигавшую убегающих бойцов. Она была размерами с лошадь, и у людей не было никакого шанса, особенно если они не бились с оружием в руках, а сбежали, подставив спину и спасая свои жалкие жизни. Впрочем, даже если бы они решили биться с Шанти лицом к лицу, с саблями в руках, им ничего не светило. Драконью броню можно пробить только тяжелыми копьями, или стрелометами с теми же копьями, или стальными дротиками.

Беглецы погибли в секунду – когти дракона сорвали им головы, как если бы они были нарисованы на бумажных листках. Бой завершился катастрофическим и полным разгромом противника.

Вокруг было тихо, и никто не интересовался, чего это тут шумели и кричали. Народ в Славии вообще-то отличался редкостным отсутствием любопытства – в тех случаях, когда кого-то убивали, насиловали или грабили. Зачем лезть не в свое дело? Это же их проблемы. Ходят где не надо, общаются не с тем, с кем надо. Вот теперь пусть и получают. Жертва сама виновата в совершившемся над ней насилии. Как говорил один персонаж: «Наказания без вины не бывает!» Никто ничего не видел, не слышал, ничего не знает. Как та китайская (или индийская?) мартышка.

Андрей подошел к обезображенному труп Халида, обшарил карманы, извлек кошелек, собрал украшения и амулеты. Обошел остальных нападавших, собрал трофеи и с их трупов – деньги никогда не помешают, а он их честно заработал. Появилась Шанти, она была уже обычных размеров, и ее довольная мордашка просто светилась от счастья – ну как же, такое развлечение! А то, что это были люди, разумные существа – да какие они разумные? Они заслужили свою смерть на сто процентов.

Впрочем, и Андрей ничуть не комплексовал по поводу совершившегося убийства. В отличие от своей земной деятельности, в этот раз он честно вел бой (ну, почти честно – если

забыть о его способностях оборотня!). Те, кто нападает со спины, не могут рассчитывать на снисхождение. Да и с какой стати? Они выбрали свою работу, свою судьбу. Есть определенные правила игры – по этим неписаным правилам они всегда могут быть убиты и живут на этом свете очень, очень недолго. Зато и получают яркую, интересную жизнь – по крайней мере, с их точки зрения.

Трофеев оказалась приличная кучка: штук триста серебряников, золотишко – монет тридцать, в основном у Халида. Множество украшений – как и все их собратья, убитые бандиты имели склонность к цепочкам, кулонам и всякой прочей дребедени. На некоторых безделушках Андрей обнаружил ауры других людей и быстренько завернул все добытое в тряпку, чтобы не касаться голыми руками, – ему не хотелось видеть картинку того, как эти предметы попали в руки новых владельцев.

Он собрал сабли, кинжалы – получилась небольшая вязанка «хвороста». Только было пошел с места дуэли, как вспомнил: двое лежат наверху, в здании.

Вошел в заплеванный и загаженный подъезд, выбрал место почище, сложил туда трофеи. По деревянной скрипучей лестнице поднялся наверх – ну да, два кадра с оторванными головами. Хребты, белея костями, торчат среди разорванных сосудов и ошметков мяса.

– Интересно, а вы, драконы, едите людей? Вот приспичило тебе – стала бы есть этих вот придурков? – поинтересовался Андрей, обыскивая убитых.

– Чего ты глупые вопросы задаешь? – недовольно фыркнула Шанти. – Как будто вы, люди, не станете есть друг друга, если приспичит. По-моему, вы только это и делаете. Гибель дракона от зубов другого дракона – редкость. Это событие, которое отмечается в веках, это ритуальный поединок – за власть или за самку. А вы... вы походя убиваете друг друга, как будто раздавливаете насекомое. И ты после этого называешь людей разумными?

– Что же, признаю, иногда люди хуже зверей, – вздохнул монах. – А чисто ты сработала. Они успели тебя увидеть?

– А то ж! Иначе интереса никакого. Надо было видеть эти рожи... я думала у них глаза выкатятся, как игральные кости. Между прочим, хорошо подготовился твой «друг». Уйти отсюда тебе было практически невозможно – если бы ты не был оборотнем и если бы у тебя не было злобной, вредной и жадной подруги.

– Ладно-ладно, признаю твои заслуги, – усмехнулся Андрей. – Получишь двойную порцию печенки. Кстати, чего ты уперлась в эту печенку? Неужели ничего повкуснее нет?

– Хм... как-то не думала над этим. Ну хочу я печенку, и все тут. Значит, она нужна моему организму. Ты вот что-то любишь, а что-то не любишь – не значит ли это, что твой организм отвергает одну пищу и хочет другую, и то, что он любит, наиболее подходит его телу?

– Ага... ты это Расскажи любителям картошки фри и бигмаков!

– Не знаю, что такое фри и бигмаки, но если им это нравится – пусть жрут. Каждый свободен в выборе своих действий и сам должен отвечать за то, что за ними последует.

– Чего это тебя на философию пробило? Стареешь? Бабулька...

– Сам-то! – фыркнула Шанти. – Если перевести на ваши годы, мне лет тринадцать, а ты уже старый пердун! Тебе несколько тысяч лет на наши годы! Кто бы говорил!

– Да... иногда я кажусь себе таким древним, таким ветхим, что скоро не будет сил дернуть за хвост некую зазнайку!

Андрей схватился за вышеозначенный предмет и хорошенько дернул под шипение и улыбку Шанти. Она в ответ укусила его за ухо, отчего монах вскрикнул и выругался. Все остались довольны.

Пришлось подобрать арбалеты – они стоят денег, штучная работа, – бросать их совсем глупо. Так что к трактиру Андрей направился тяжело нагруженным и в не очень добром расположении духа: одно дело – шагать с небольшим свертком под мышкой, а другое – «лошадка, везущая хворосту воз».

Когда проходил мимо места схватки, заметил, что у трупов уже копошатся «стервятники» – разувают, раздевают, – в этом городе ничего не пропадает зря. Вдруг перед глазами возникло видение: уличный продавец пирожков, стоящий у горячей жаровни... Решил для себя – никогда больше не покупать пирожков на улице. В прошлый раз вкус купленных у торговца пирожков и вправду показался каким-то странным. Где они берут свое мясо?

Зал стих, когда дверь распахнулась и в образовавшийся проем, чертыхаясь про себя, протиснулся Андрей с ворохом трофеев. Из угла к нему метнулся Никат и подхватил выпадающие арбалеты и кинжалы.

– Живой! Я и не сомневался! – Уродливое лицо парня расплылось в улыбке. – Я понимаю толк в людях. Иди скорее к Олре, она у себя в комнате, переживает.

– Слушай, покорми, пожалуйста, мою кошку, ладно? А то она с голоду уже мое ухо жевать принялась. Печенки ей дай, иначе она скоро мою печенку выест.

– Сделаем, – кивнул вышибала. – Скачи ко мне на плечо, Черная Смерть!

– Слушай, а точное ты ей имечко подобрал, – рассмеялся Андрей. – Еще какая чума!

– А что, я недостаточно смертоносна?! – возмутилась Шанти. – Кстати сказать, я сегодня больше тебя негодяев поубивала. Так что молчал бы уж!

Она прыжком переместилась на плечо вышибалы, мстительно оставив на коже поморщившегося Андрея царапины, и он подумал, что надо пришить наплечники. Царапины, конечно, зарастают очень быстро, почти мгновенно, но ощущение-то гадкое.

Он прошел в комнату Олры. Та дремала на постели. Андрею сразу бросился в нос запах алкоголя, и он недовольно хмыкнул – не хватало еще любить алкоголичку. Впрочем, он ее еще не видел пьяной, а сегодня... сегодня просто такой случай. Можно посчитать и так.

Андрей сел на постель рядом с женщиной и положил руку ей на плечо. Олра вздрогнула, ошалело подняла голову с раскрытыми в ужасе глазами и облегченно простонала:

– Ты-ы... ох какой мне гадкий сон приснился! Халид убил тебя, явился в трактир, зарубил Никата и пришел ко мне... Живой, все-таки живой... Иди ко мне, обними! Мне так плохо... я одна, совсем одна...

Олра потянулась, обхватила Андрея за шею и пьяно зарыдала, заливая ему рубаху слезами. От нее сильно пахло вином, волосы были растрепаны, а глаза покраснели – то ли от выпивки, то ли от тех слез, что она сегодня пролила. Андрей обнял ее за плечи, стал баюкать, как ребенка, и неожиданно для себя запел:

– Спи, моя радость, усни... В небе погасли огни...

Он пел минут пять. Рыдания Олры стихли, женщина подняла голову, с интересом глядя на Андрея, и неожиданно спросила:

– А что ты сейчас пел и на каком языке?

Андрей чуть не откусил себе язык, ругая себя последними словами, – он пел по-русски.

«Это же надо было настолько расслабиться! – подумал он. – Вот потому и нельзя профессионалам привязываться к женщинам. Это расслабляет, делает уязвимым. Только попал я в город – и чем занялся? Начал мстить врагам своей подруги, как будто других дел нет. Что это значит? А значит, что я совсем размягчел. Эдак и до проигрыша недалеко...»

– Это так, одна старая песня на старом языке. Колыбельная для детей. Забудь.

– Ты меня баюкал, как ребенка? – рассмеялась Олра. – А что, мне всегда не хватало матери... впрочем, и отца. Он постоянно болел, а когда не лежал, отходя от приступа, то ждал наступления следующего и заливал страх вином. Наверное, и я переняла эту привычку – заливать страх вином. Я так за тебя боялась. Прости, что я напилась. Тебе, наверное, неприятно на меня смотреть. Сейчас, сейчас я приведу себя в порядок, сейчас! – Олра вскочила, пошатнулась и чуть не упала. Если бы Андрей ее не подхватил, она точно разбила бы себе голову о тумбочку.

– Ложись сейчас же! – прикрикнул он на нее. – В порядок она себя приведет! Лежи и не шевелись. Закрой глаза!

Андрей посмотрел на ее ауру – в ауре проблескивали красные нити, видимо, Олру поташнивало и болела голова. Он собрал все нечистое из ауры, вытянул черные нити, уравновесил завихрения – женщину как будто пробил током, она вздрогнула и открыла глаза.

– Что?.. Что ты со мной сделал?! Ох, как хорошо себя чувствую... и голова не болит. А то раскалывалась, как треснутый кувшин.

– Сейчас еще лучше будет, – коварно усмехнулся Андрей и добавил ей желто-оранжевого цвета вокруг живота.

Женщина тут же задергалась в оргазме, который не прекращался минуты три. Ее глаза закатились так, что видны были только белки, а руки, сжатые в кулаки, побелели, будто сделанные из мрамора. Андрей испугался, как бы не переборщил, и поскорее нормализовал ауру.

Олра утробно застонала и, разжав сжатые до скрежета зубы, с трудом выговорила:

– О-о-ох... никогда так больше не делай... никогда... я чуть не умерла... нет, делай... делай... ох-х-х... ты кудесник. Ты демон! Может, ты и правда демон? – На Андрея глянули умные, прищуренные глаза совершенно трезвой женщины – он полностью снял у нее не только последствия приема алкоголя, но и остатки опьянения.

– Не знаю, – серьезно ответил он. – Не знаю.

– Все подготовил?

– Вроде все, – ответил Андрей, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Он погладил Шанти по спине и, волнуясь, сказал: – Ты ложись на живот и ни о чем не думай. Не бойся, больно не будет. Я сейчас боль уберу.

– Ага, ни о чем не думай! – Ментальный голос драконицы как будто дрожал. – Не тебе крылья будут ломать, а мне! Постарайся, пожалуйста, ладно? А то я маме пожалуюсь!

– Нет уж. Не надо нам мамы тут, – усмехнулся Андрей. – Спи. Спи!

Драконица клюнула головой и упала на стол, будто из-под нее выдернули землю.

Андрей до сих пор не мог понять механизма воздействия на ауру и действовал совершенно интуитивно. Надо ему, чтобы драконица уснула, он внушает ей: «Спи! Спи!» – и она засыпает. Ну а что, разве земные гипнотизеры точно знают, как они воздействуют на мозг человека? Если и говорят, что знают, как это работает, – врут. Человеческий мозг – один из самых неизученных объектов в мире, его тайны до сих пор неподвластны умам ученых. Единственно что – для того чтобы произвести какие-то действия с аурой объекта, Андрею нужно касаться этой самой ауры. Почему так – он, конечно, не знал. На расстоянии ничего сделать было нельзя.

Шанти лежала на столешнице такая незащищенная, такая маленькая... будто это не она сутки назад бегала за супостатами, как скаковая лошадь, и не она оторвала им головы, как бумажные китайские фонарики со стены.

Уже на следующий день Андрей решил попробовать провести операцию. Вернее, не попробовать, а провести. Какие там пробы, когда на кону здоровье и жизнь друга? Делать надо.

Все-таки он крепко привязался к этой взбалмошной девчонке, надо признать. И то, что сегодня ему предстоит сделать, было настолько важно, что у него руки тряслись от предвкушения и волнения. А вдруг не получится? Вдруг ничего не выйдет?

Крылья дракона представляли собой прочнейшую, покрытую чешуйками кожу, натянутую на полые, очень крепкие кости. Ему предстояло убрать эти самые чешуйки, затем взрезать кожу, сломать кости, соединить их как следует и заживить все заново. Левое крыло вообще походило на жгут из неправильно сросшихся костей и рубцов кожи, правое не так сильно пострадало, но его кости торчали под прямым углом друг к другу. Рука подлейшего существа на планете – исчадия – была видна сразу. Если не сделать операцию, драконица никогда не

сможет летать. Впрочем, было неясно, будет ли она летать и потом, после того как ей вправят кости.

Андрей вздохнул и приступил к делу. Федор и Алена сидели рядом в комнате, но когда Андрей стал специальными щипцами-зажимами выдергивать чешуйки, женщина не выдержала и, зажав рот, убежала, сказав, что не может на это смотреть и ей ужасно жалко Шанти. Настю они после обеда уложили отдыхать, так что в комнате теперь остались Андрей и Федор.

Чешуйки скрипели под скальпелем – приходилось каждую поддевать и отгибать вверх, потому что никаким другим способом отогнуть их было нельзя, так плотно они прилепали к телу, заходя друг на друга. В образовавшуюся щель просовывался захват, чешуйка цеплялась стальными щечками инструмента, Андрей со всей силы тянул ее, она поддавалась и со звуком рвущейся ткани выскакивала из крыла.

Драконы время от времени линяли, вместо старых чешуек вырастали новые, а старые сами по себе или после почесывания о камни и стены пещер выскакивали легко и свободно. Они отсоединялись от своего корешка, как какой-нибудь молочный зуб у человеческих детей, и отпадали, как им и положено. Эти же чешуйки были молодыми, здоровыми и яростно сопротивлялись изменению привычного местоположения.

Пока Андрей очистил оба крыла, прошло два часа, и он весь покрылся испариной. Слава богу, Шанти все это время спала. По прикидкам Андрея, боль должна была быть такой, как будто у человека выдергивают ногти. Покрытые сукровицей крылья выглядели так, как будто рыбу почистили вживую. В конце концов не выдержал и Федор, уйдя на кухню к жене и заявив, что видеть это хуже, чем поле, усеянное порубленными пехотинцами.

Андрей залечил гнезда, в которых раньше торчали чешуйки, и Шанти, даже если проснется, не почувствует ничего, кроме холода на коже, не прикрытой чешуей.

Теперь предстояло самое важное.

Взяв острейший нож, он аккуратно проткнул кожу крыла и стал надрезать ее вдоль искривленной кости. Теперь стало видно, что кость была изломана в нескольких местах, и осколки срослись так, как будто кучу веток сгреб бульдозер. Нужно было не повредить связки, суставы и сломать кости там, где они срослись неверно.

Он взял в левую руку еще одни щипцы, крепко ухватил кость в том месте, где она срослась, образовав уродливый изгиб, напрягся... щелчок! Кость сломалась. Тогда он свел концы в ровную линию и сосредоточился на ауре, заживляя, убирая красные и черные сполохи. Кость срасталась медленно, в отличие от тканей, которые затягивались обычно за считанные секунды. Андрей прикинул: на исправление одного перелома у него ушло не менее двадцати минут, значит, на все кости потребуется не менее трех дней. Вылечить все сразу он не сможет при всем желании – не хватит ни времени, ни сил.

Так оно и вышло.

Закончил Андрей поздней ночью, когда темнота уже накрыла своим плотным покрывалом весь мир, оставив на небе лишь мириады сияющих серебряных гвоздиков, чтобы запоздалый путник мог найти дорогу домой. Все, что он успел за сегодняшний день, – выправить несколько переломанных костей, вернее, две кости, сломанные в нескольких местах так, как будто их провернули в мясорубке. Ему пришлось сложить края распоротой кожи, срастить ее, чтобы Шанти могла нормально двигаться, и оставить в таком виде – он решил продолжить начатое завтра, прямо с раннего утра. Чешуйки быстро не отрастут, так что завтра он сразу приступит к правке костей.

Андрей разбудил Шанти, она некоторое время никак не могла понять, что происходит, потом очухалась и спросила:

– Ты сделал? Получилось?

– Нет, извини. Часть сделал, а осталось еще процентов восемьдесят. Работа сложная, и я физически не успел. Но сделал уже многое. Еще пару-тройку дней, и будешь как новенькая. –

Он почувствовал, как огорчилась Шанти, и поспешил ее успокоить: – Ну не расстраивайся! Я же тебе говорю: все будет отлично, все замечательно! Дело идет хорошо, кости выправляются, сращиваются. Вот подвигай левым крылом – уже лучше расправляется, заметила?

– Заметила. Но все равно настроение плохое. Мне думалось, ты раз-два – и сделаешь. А тут вон сколько времени, и почти ничего... что, уже вечер? Это я весь день проспала? – Шанти потянулась, приподняв крылья, помахала левым, прислушиваясь к ощущениям, потом сложила оба и превратилась в кошку.

– Уже не вечер, уже глубокая ночь, – хмыкнул вошедший в комнату Федор. – Он с тобой провозился весь день!

Андрей замер с раскрытым ртом, Шанти тоже перестала чистить перышки, и оба вытаращились на мужчину.

– Федь, ты что, ее слышишь? Как так?

– А я знаю? – пожал плечами тот. – Слышу... раньше не слышал, а вот сейчас услышал. Откуда я знаю почему?

– Вероятно, я потеряла контроль над мыслями, – невозмутимо пояснила Шанти, – а у него природные способности к мыслеречи. Так что ничего удивительного.

– Я и раньше слышал, как со мной разговаривал один дракон, еще в молодости, – продолжил Федор, – так что, наверное, я могу разговаривать с драконами.

– Не наверное, а можешь, – усмехнулся Андрей, протирая спиртом хирургические инструменты и укладывая их в ячейки чемоданчика. – Ладно, нам пора. Чемоданчик положи подальше, чтобы по полу не валялся и Настенка не нашла. А то ткнет в себя этими скальпелями, а они острые, как сабли.

– Сейчас скажу Алене. Она там еще не спит, вроде как на стол собирает. Вообще какого рожна ты пойдешь? Ночуй здесь. Тебе тащиться через весь город, а извозчиков ночью не сыщешь. При том что освещается только район императорского дворца да центральная площадь, темень хоть глаз выколи. Еще шеи себе посворачиваете...

– Федь, я вижу в темноте, как днем, – заверил Андрей, – да и подружка моя крылатая не хуже видит. Олра будет волноваться, переживать, да и я тоже буду думать, как она там. Нет уж, пойду.

– Кстати, после твоей дуэли ничего не было? Все тихо? Никто не приходил, не предъявлял?

– Пока нет. Но думаю – придут. Потому и волнуюсь, – коротко ответил Андрей и заторопился. – Все, держи чемоданчик, мы побежали. Алене привет, извинись, скажи – в другой раз поужинаем. Отдыхайте. Завтра с утра придут.

Андрей вышел на ночную улицу, вдохнул свежий осенний воздух и посмотрел на небо – оно было чистым, прозрачным, мерцали звезды. Город спал. Люди ложились рано, чтобы и встать рано, с рассветом – чего зря жечь светильники. Было немного прохладно, и монах, шагая по гулкой мостовой, запахнул куртку, зацепив петли на медные крючки.

Шанти молчала, покачиваясь на плече и всматриваясь в окружающее пространство светящимися зелеными глазами, напоминая демонического кота из ужастика.

Андрей всегда удивлялся: в этом мире черных котов никто не связывал с неудачами и невезением, как на Земле. Наоборот, считалось, что черный кот приносит прибыль, любовь женщин, и каждый второй посетитель трактира Олры норовил дотронуться до приносящей удачу Шанти, не подозревая, как близок к травме. Хорошо еще, что Никат пресекал попытки погладить «кошку», отгоняя от нее непрощенных доброхотов.

Шанти уже приноровилась сидеть рядом с ним в то время, когда он занимался своей работой, и шурилась, одобрительно поглядывая на то, как он выбрасывал подгулявших пьяниц. Дважды она даже набросилась на тех, кто пытался врезать вышибале табуреткой, когда тот не видел, и в кровь разодрала им затылок. Никат довольно похохатывал и, показывая на

сверкающую глазами «кошку», грозил буйным посетителям, что, если они будут шуметь, он натравит на них «черную смерть», она выдерет им глаза и отгрызет нос. Как ни странно, это хоть и преподносилось в шутливой манере, но на бузотеров действовало безотказно.

Олра в шутку заявила, что, если Андрей оставит свою кошку в трактире, она возьмет ее на полное довольствие вышибалы и, ей-ей, не прогадает!

Она и не подозревала, как близка была к истине. Лучшего трактирного вышибалы, чем дракон, и представить трудно. Главное, чтобы не плевался огнем.

Но с этим у Шанти пока было слабовато – железы, отвечающие за «плевание», не до конца развились. Как-то Андрей спросил у нее, когда же это произойдет, и получил в ответ великолепный выплеск ярости и шипения, с туманными угрозами и оскорблениями, из которых следовало, что он – бестактный болван, тупой урод, и вообще худший представитель рода человеческого, и вообще худший в этом мире. Потому что спрашивать такие вещи у драконов не деликатно, гадко и подло.

Размышляя потом над этим взрывом ярости, Андрей пришел к выводу, что, вероятно, у его подружки задержка физического развития в связи с сидением в темной пещере и отсутствием свободы передвижения, а пресловутые «плевательные» железы сравнимы с грудью у малолеток – попробуй намекни девчонке, что она плоская как доска! Она тебя порвет в клочья не хуже дракона. А при всем том у Шанти из-за ее инвалидности был ужасный характер – уродство точно не добавляло ей терпимости.

Похоже, что развитие желез, выделяющих жидкость для образования огня, находилось в прямой зависимости от умения дракона летать. То-то она так трепетно ждала возможности научиться пользоваться крыльями – полета как символа ее взросления, полноценности драконьей. Чувство собственной ущербности, уродство мучили ее всю жизнь, с тех пор как она начала осознавать себя как личность.

Парочка прошла уже с километр, а топать было еще километров семь, не меньше. Андрею внезапно в голову пришла одна мысль, он ее обкатал в голове, хмыкнул и предложил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.